

АРИОН

02P

84(2=411.2)6
A 79

АРИОН

Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Выпуск 10

90242/3

Тюмень
Типография «Печатник»
2009

84(2Рус)6
А 81

АРИОН: литературно-художественный студенческо-преподавательский альманах Тюменского государственного нефтегазового университета. Вып. № 10. – Тюмень: Типография «Печатник», 2009. – 100 с.

Составитель и редактор

С. К. Ломакин

Художники:

Б. И. Паромов
Н. В. Распопов

© Тюменский государственный
нефтегазовый университет, 2009
© Типография «Печатник», 2009

Уважаемый читатель, Вы держите в руках десятый номер литературно-художественного студенческо-преподавательского альманаха Тюменского государственного нефтегазового университета «Арион-10». Это своеобразный юбилей издания. На его страницах печатаются не только студенты, аспиранты и преподаватели университета, но и члены Союза писателей России.

Авторы живут напряженной жизнью, любят, негодуют, радуются, скорбят, оттеняя в своих мыслях и эмоциях насыщенность и сложность нашего времени.

Моральные установки и принципы – это одна из особенностей сборников «Арион».

Это сочетание прозы, поэзии и публицистики. Эмпирия жизни заставляет авторов глубже постигать события, происходящие в России, её прошлое и настоящее. В жизни каждого человека рано или поздно наступает этап духовного взросления, который характеризуется утратой, разрывом с привычной культурной средой. Человек словно поднимается на одну или несколько ступенек в своем интеллектуальном развитии. На какое-то время исчезает внутренний разлад и обретается утраченная гармония с миром. Это всё проявляется в творчестве, особенно начинающих авторов.

Стремление к целостности, попытка воссоздать разрушенную гармонию, является целью духовной деятельности авторов. Это свидетельство выполнения ими своей задачи, и по отдельным произведениям можно проследить этапы и шаги её решения. Переживания творческого человека, связанные с личностными невзгодами, накладывают отпечаток на работы художника, композитора, писателя. Писатель отличается от любого другого переживающего человека тем, что свой путь фиксирует в тексте. Текст для него – основа творчества, основа судьбы.

Текст ведет писателя к цели, иногда вопреки изначально задуманному сюжету произведения, поскольку сам процесс создания поэмы, повести подключает его к источнику смысла, более глубокому, чем индивидуальное сознание, – к языку. Природа языка является в слове, открывается через эмоции, мысли, переживания писателя. Созвучие подлинного (речения) слова связано с душевной опорой, практикой жизни, наблюдениями, большим жизненным опытом, без которых не может состояться писатель, каким бы талантливым он не был. Понять это каждому творческому человеку, значит обрести истинный метафизический центр, неизменно координирующий человеческую активность в мире. В добрый путь «Арион»-10.

Станислав Ломакин,
член Союза писателей России.

Пророк православной культуры

Россия бессмертна тем, что у
нее есть будущее.

Н.В.Гоголь.

Творчество Николая Васильевича Гоголя – это загадочный, многозначительный мир, отраженный в смешных фантосмагориях, переходящих на трансцендентный уровень понимания, говорящих о русской трагедии, печали, несовершенстве русского народа, о его духовности и нравственности.

Великое множество написано книг и статей о Гоголе, его творческое наследие до сих пор является поводом для самых разнообразных интерпретаций литературоведов разных стран. Его творчество занимало многих философов, социологов, историков.

Мне, в связи с юбилеем великого писателя, хочется обратиться к его необычному произведению «Выбранные места из переписки с друзьями». В чем его необычность? Чем отличается это произведение от всех других работ, написанных русским гением? Н.В.Гоголь собрал воедино многочисленные письма к друзьям, дополнил некоторыми статьями и издал книгу, которую считал лучшей и самой дорогой из всего написанного. В 1847 году он писал: «Я печатаю книгу с твердым убеждением, что книга моя нужна и полезна России. Издание книги было моей душевной потребностью, ее нужно прочитать несколько раз». Книга Н.Гоголя вызвала разноречивые суждения среди литераторов и общественных деятелей России. Эту книгу по жанру можно отнести к появившимся «Философическим письмам» П. Чаадаева и позднее к «Дневнику» писателя Ф. Достоевского.

Книга «Выбранные места из переписки с друзьями» вызывает у читателя персоналистические переживания, одни ее понимают, другие не понимают и, наверное, прав был Н.Гоголь, что ее нужно прочитать несколько раз. Н.Гоголю удастся заглянуть в истоки человеческих переживаний, настроений. Он показывает, как зарождаются, переплетаются отношения, на духовной основе, между друзьями. Он прослеживает взаимоотношения разных людей, исходя из их мировоззренческих толкований процессов, происходящих в России, и то, как друзья становятся нужными друг другу даже тогда, когда хотели бы жить отъединенно, только для себя и своей семьи.

Призыв Н. Гоголя понять его книгу не был услышан соотечественниками, и только в конце XIX века это произведение нашло своих

почитателей и стало ясно, что писатель являлся для своей эпохи «властителем дум», мыслителем. Н.Гоголь выступает как проповедник, он утверждает, что язык, словесность, искусство, живопись являются «высшим подарком Бога человеку». Центральной темой книги является русская культура, Россия, ее судьба. Н. Гоголь выступает как пророк и патриот. Поэт А.Белый в своей книге «Символизм как миропонимание», анализируя идеи писателя, признает, что любовь Гоголя к России носит колдовской характер, отличный от нас простых смертных. «Какую-то неведомую никому Россию любит Гоголь, любит странной любовью: она для него как для колдуна...»¹

Интересны в книге замечания Гоголя о политике «Славянофилов и Западников». С некоторыми он был близко знаком и находился в дружеских отношениях. Он назвал эту политику выдающихся мыслителей первой половины XIX века «великим недоразумением». Но надо признать, что Гоголь больше импонирует славянофилам: «Правда больше на стороне славистов-восточников, они больше правы в целом своего учения, западники же больше правы в деталях». С некоторыми положениями Гоголя не согласились как славянофилы, так и западники. Западник В.Г.Белинский очень резко критиковал книгу Гоголя, назвав ее «зловредной книгой». Белинский, автора великих произведений, таких как: «Ревизор» и «Мертвые души», в конце своей статьи призывает отказаться от последней книги, полагая, что нужно «тяжелый грех ее издания в свет искупить новыми творениями, которые напоминали бы Ваши прежние!»² Ближайший друг С.Т.Аксаков отвернулся от Гоголя, что было страшным ударом для писателя, и он даже стал сомневаться, а нужно ли было ее публиковать.

Многочисленные осуждения книги действовали угнетающе на Гоголя. Дело дошло до того, что под воздействием общественного мнения Гоголь написал своему другу С.Аксакову письмо, в котором есть такие признания: «Как у меня еще не закружилась голова, как я не сошел с ума от этого вихря недоразумений - этого я и сам понять не могу». Вот что могут сделать с человеком «недоразумения» многочисленных критиков и, наверное, если бы книга была не опубликована, то, под воздействием общественного мнения, Гоголь сжег бы ее, как он сделал со вторым томом «Мертвых душ». Незадолго до смерти Гоголь при встрече с И.С.Тургеневым сказал: «Если бы можно было воротить назад сказанное, я бы уничтожил мою «переписку с друзьями», я бы сжег ее».

¹ Белый А. «Символизм как миропонимание» М., изд-во «республика» 1994, с.368.

² Белинский В.Г «Письмо Гоголю» Собрание сочинение том 8 Изд-во «Художественная литература» М., 1982, с.289

Пренебрежительно отвергая книгу Гоголя, друзья проявили грубость: им следовало бы благодарить за нее, т. к. она исходила от достойного человека. Интеллигентность человека связана с учтивостью, в стремлении говорить и вести себя так, чтобы наши ближайшие друзья, коллеги были довольны и нами, и самими собой. Друзья не могли предугадать судьбу книги Гоголя, в которой он выступил как пророк. Гоголь является пророком православной культуры, предтечей всех течений русской жизни, действительного торжества Православия. Православие для него – идеология, которую нужно распространить не только в России, но и за ее пределы. С этой идеологией «может быть, одному русскому суждено поближе почувствовать значение жизни».

Православная Россия, по его мнению, чувствует приближение иного царства. Без Бога нельзя осветить историю и современность. Без Христа, считал Гоголь, не взявшего в руки небесного светильника, нельзя опуститься в темную глубину человека, т.е. нельзя услышать строгую тайну жизни и ее «совершенную небесную музыку», ибо во Христе ключ к пониманию и разрешению самых наиважнейших вопросов жизни. Читаешь Гоголя и мысленно сравниваешь его суждение о Христе с мыслями и идеями Достоевского, которые созвучны, идентичны. Преображение человека оба мыслителя связывают с Христом, с Православной Церковью, русской культурой.

Апокалептические предчувствия Гоголь связывает с состоянием умов в России. В статье «Страхи и ужасы России», которая была включена в « Выбранные места из переписки с друзьями», анализируются взаимоотношения России и Европы, и то, как Запад заражает Россию революционными идеями. Спасение России Гоголь видит в том, чтобы каждый православный человек жил сообразно с законами и заповедями Христа. Огромную роль, считает Гоголь, может сыграть Русская Православная Церковь. В церкви нашей сохранилось все, что нужно для просыпающегося ныне общества. «В ней кормило и руль наступающему порядку вещей, в ней простор не только душе и сердцу человеку, но и разуму во всех его верховных делах.»

Вещие слова, и как они важны для сегодняшней России, людей XXI века. Православную самодержавную Россию Гоголь, как и Ф.Тютчев, посвятивший ей ряд статей, а именно: «Россия и Запад», «Россия и революция», «Россия и Германия», противопоставляет Западу и пытается найти выход, чтобы наша страна дистанцировалась от тлетворного влияния Запада. Чем больше читаешь Гоголя, тем больше поражаешься его прозорливости. Пророчество Гоголя является предупреждением людям, живущим сегодня. Он в пись-

мах, статьях предупреждал о грядущих переменах, которые произойдут в России, в мире, но друзья, дипломаты, политики не прислушивались к писателю. Чувствуя на интуитивном уровне глубинные процессы, происходящие в стране, он писал: «Зачем пророчествует одна только Россия?»

Затем, что она сильнее других слышит Божью руку во всем, что ни сбывается в ней, и чует приближении иного царства. «Не полюбивши России, не полюбить вам своих братьев, не разгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам». Неожиданно вспомнились слова великого русского историка В.Ключевского, который в своем дневнике от 1893 года написал (не помню дословно): В России нет средних талантов, простых мастеров, а есть одинокие гении и миллионы никуда не годных людей. Гении ничего не могут сделать, потому что у них нет подмастерьев, а с миллионами ничего нельзя сделать, потому что нет мастеров. Первые бесполезны, потому что их слишком мало, вторые беспомощны, потому что их слишком много.

Гениальный Гоголь был одинок в своем окружении, у него не было рядом мастеров и подмастерьев, а были такие же гении, как и он: А.Пушкин, И.Киреевский, А.Хомяков, С.Аксаков, В.Жуковский, В. Белинский, И.Тургенев и др., но даже и они не слышали его, не старались вникнуть в пророчества писателя-мыслителя.

Н.Гоголь является одним из первых в России мыслителей, исповедующим концепцию географического детерминизма. Он, задолго до Л.И.Мечникова (1838-1888)(брата великого физиолога И.И Мечникова) и Г.В.Плеханова(1856-1918) - выдающихся ученых, высказал идеи, связанные с влиянием географической среды на развитие общества. Вот его слова: «От вида земли зависит образ жизни и даже характер народа, а характер народа определяет формы правления, много в истории разрешает география»³. Н. Гоголь в своем «Завещании», включенном в книгу «Выбранные места», надеется, что его услышат, поймут его идеи не только друзья, но и будущие потомки. Идеиные откровения Гоголя привели к тому, что он стал зачинателем многих исканий последующих русских мыслителей. Как мыслитель, Гоголь с гениальной чуткостью ставил в центре всех своих идей проблему развития русской культуры на православной основе. Являясь ее пророком, Гоголь по праву стал предтечей многих духовных течений русской жизни. Россия - страна с богатым историко-культурным наследием. В наследство от прошлых мыслителей нам досталось их духовное наследие, которое представляется

³ Гоголь Н.В. Собр.соч. в 7 т. М., 1984-1986. «Выбор. места из переписки с друзьями» т.2., с.95

жемчужинами разной величины и ценности. Ценность духовного наследия Гоголя неоспорима в истории развития русской культуры, развития России. И прав выдающийся философ и богослов В.В.Зеньковский, написавший научный трактат о Гоголе, сказав о нем: «Гоголь остается учителем жизни не в формулах его исканий, а в самом обращении к Богу, к Христовой правде. В этом ценность всего гениального наследия Гоголя, в этом, правда, и незабываемость его жизненного подвига»⁴.

Бросая ретроспективный взгляд на историю развития общественной мысли, приходишь к пониманию того, что в истории развития России остаются люди, исповедующие национальные, державные, религиозные, патриотические взгляды. К ним, безусловно, относится Н.В.Гоголь. Заканчивая статью, хочу напомнить читателям, Гоголь в своем завещании просил не ставить ему памятников, но хочется надеяться, что Россия воздаст должное своему великому соотечественнику-патриоту, и по случаю 200-летия со дня рождения найдет возможность издать полное собрание сочинений, которого до сих пор нет. И это было бы лучшим памятником Николаю Васильевичу Гоголю.

⁴ Зеньковский В.В. «Русские мыслители и Европа» Н.В.Гоголь, М., Изд-во «Республика», 1997, с.242

Вот прыгает смешно сорока.
Вдруг испугалась - полетела...
Прильнём к природным мы истокам,
Где отдохнут душа и тело.

Где розовеет нежно клевер,
Трава зелёным шёлком веет...
Моя Сибирь, любимый Север!
Вот горделиво чайка реет...

Здесь мило всё - жучок, букашка
И вид, и шум зелёных сосен,
И донник, львиный зев, ромашка...
И озеро, в котором просинь.

Ажуром - жёлтый подмаренник,
И белую фатой - лабазник,
Полыни деревенский веник,
А вот репей пристал, проказник...

ЗИМА

Зимы искрящиеся стразы -
Где лунный камень, где топаз,
В снегах рассыпаны алмазы...
Зима красива без прикрас.

Луны и неба селениты
И сосен сдержанный нефрит,

Коры деревьев столкиты -
Любой здесь камень не забыт.

И перламутровы берёзы,
А в небе светлый лазурит,
И в жемчуга замёрзли слёзы,
И только почва - как гранит...

И вся зима, подобна, сказке,
Природа так щедра на краски!

КАК ХОРОШО В МОЕЙ РОССИИ

Как хорошо в моей России,
В её берёзовой тиши!
Среди озер и речек синих,
Любить покой её души...

Молчать и слушать шёпот леса,
И слышать дробный дятла стук,
И замечать, что сеть повесил
Над тропкой серенький паук.

И наслаждаться летом, словно
Ты получила главный приз.
И наблюдать в овраге тёмном
Ежа, скатившегося вниз.

Желать того, что жизнь дарует
И всё с любовью принимать -
И ветер, что навстречу дует,
И тот, что в спину будет гнать.

И у окошка ночью зимней,
Однажды вспомнить летний лес...
И ощутить тепло России,
Под синевой её небес.

ОЗЕРО

Сольюсь с покровом теплой ночи,
Незримо в лунный свет войду.
Согнав с воды тумана клочья,
Дорожку в небе проведу.

По глади озера стеклянной
Волна лениво пробежит,
И темнота, качнувшись пьяно,
Бесшумно канет в камыши.

И звездной пылью заискрится
Изгиб той медленной волны,
И на осколки разлетится
Моя дорожка до Луны.

Царица ночи строго глянет
На танец звездной мишуры,
И снова гладь стеклянной станет
До самой утренней поры.

РОССИЯ

В вихре противоречий,
В омуте беспредела
Родины никнут плечи -
Боль для души и тела.

Русские никнут травы -
Силы твои, Россия...
Памятью прошлой славы
Нам ты сынов растила.

Их пропиталась кровью,
Долго была собою,
С Волгой и Поднепровьем,
С общей рекой-судьбою.

БЕРЁЗОВАЯ РОЩА

Берёзовая роща у Куинджи...
Уже прошло не меньше сотни лет.
С тех пор пейзаж написан не один же! -
Однако не стареет тот сюжет.
Художник написал в России лето.
И солнца пятна впитаны травой...
Встречает лес берёзовым приветом,
Шумит зеленокудрой головой.

И чудится живое птичье пенье,
И светотени, кажется, дрожат,
И, чувствую, восторг души и рвенье –
Нарисовать всё это сотни крат.

Мне снова душу трогает до боли
Вся живописность наших панорам...
В берёзовом лесу гуляю вволю –
Я снова сердце Родине отдам!

Горчит распаренно полынь,
Чертополох от зноя млеет,
Стоит июльская теплынь
И от неё душа хмелеет.

Присело солнце мне на грудь
И горячо лизнуло щёки...
Так в чём же жизни этой суть,
И для чего все эти строки?

Пойди, попробуй, разберись...
Рассудок мой твердит упрямо,
Что наша суетная жизнь –
То анекдот, то мелодрама...

Но не в ладах душа с умом,
Она не верит в долю эту
И, завладев моим пером,
Ведёт меня к любви и свету.

Туда, где горькая полынь,
Чертополох и тень у стога...
Где надо мной такая синь,
Что видно в ней сиянье Бога!

Избавиться от суеты...
И обрести мгновенья истин
И исписать томов листы,
Чтоб высечь искры мудрых мыслей...

Сквозь пустыни ненужных строф
Пройти, теряя вдохновение,
И ощутить – вот Саваоф!
И прикоснуться к озаренью!

ЛЮБИМАЯ РУСЬ

Август настаивал травы,
Запах густел с тишиной.
Прошлое с памятью - правы...
В детстве, хоть день был, да мой!

Память меня прогуляет.
Дачный красивый бугор.
Сердце, и любит, и знает
Тот разноцветный узор.

Вот богородична травка,
Запах приятный такой...
Это не Пруст и не Кафка!
Лечащий душу покой.

Дух выростал и натура.
Предков живительный зов –
Русская литература –
Бунин, Есенин, Шмелёв...

Словно бы «Лето Господне»...
Наша щемящая грусть...
Родина радость восполнит,
Здравствуй, любимая Русь!

Под небом голубым России
Равны – богатые, босые.
Сверкают храмов купола,
Звонят в набат колокола.

Чтоб совесть стали снова слушать,
Стучат в черствеющие души,
Как в двери зовом - «Отвори!..»
Добру откликнемся: «Твори!»...

Станислав Суровьягин

Я родилась там, где волнуются нивы,
Где туманы струятся по росистой траве,
Где, от зорьки до зорьки, моя милая мама
В своей белой косынке хлопотала о мне.

Мои босые ноги, мои белые руки
Наливались соком, как травинки весной.
Как ромашки лесные, как цветы полевые,
Расцветала у мамы я девичьей красой.

Золотились хлеба, утомилась речка.
Вот и тучное стадо улеглось на луга.
Шелковистой волной набегали на плеч
Волоса молодые и лучились глаза.

Горемыка-судьба проскрипела калиткой.
Закружилась вихрем моя голова.
И оставив тебя и деревню родимую,
В незнакомые дали уехала я.

Мама, мама родная, где та юность былая,
Где нежный цветочек, где в росинках трава,
Где вечерние зорьки, где бред соловьиный
В кустах до рассвета? Сейчас трын-трава!

Мои бедные очи, мои горькие ночи!
Мама, мама родная, как хочу я домой.
Как ромашки лесные, как цветы полевые,
Расцветала у мамы я девичьей красой.

ВОРОБЬИ

Все ярче февральское солнце,
Деревьев краснеют стволы.
По талому снегу под солнцем
Уж светлые тени легли.

Свежее, светлее природа.
Бесплодны пустые кусты,
Но стаи воробышков выются,
Как летом над речкой стрижи.

Летают зачем-то по кругу,
Все выше и выше, и вниз.
И серые сядут (комочки!)
На ветках у окон моих.

Молчит воробьиная стая,
И голодно, и холодно.
Но лучше вороньего грая!
И скоро ей будет тепло.

Я выглянул снова в окошко:
Их ветром словно снесло.
Зачем их, какими судьбами
Под окна мои занесло?

Не сердись на меня,
Я, как льдинка, истаю.
Стану тихой мечтой
О тебе по ночам.

Стану тихо мечтать
На заре и на зорьке,
И под солнцем палящим
Стану тихо мечтать.

Я не знаю о чем
Эти тихие грезы.
Знаю только о том,
Что мечта эта – ты,

Что ласкают с небес
Меня тихие звезды,
А вокруг все цветы,
И цветы, и цветы.

Не сердись на меня,
Я, как льдинка, истаяю,
И осенней слезой
Соскользну вдоль окна,

Когда будешь глядеть
И грозить на детишек,
Зазывая их в дом
С родного двора.

НА СТИХИ МЯТЛЕВА

Как хороша, как свежа утром роза
В моем саду! Как взор ласкает мой!
Как я молю смертельные морозы:
Не погубить её холодной рукой!

Мой друг, бог мой, мой аленький цветочек,
Ласкай росой и свежестью зари
Мой первый взор, очнувшийся от ночи,
В туманных далях звездочкой гори.

Гори всегда, когда уходят ночи,
Когда рассвета брезжит тихий час.
Когда уходит тьма, но еще мало света,
Как глубоко, как нежно грезится о вас.

УКРАИНСКАЯ

НАТО - баты шли солдаты
По Украине и в Крыму.
Пели песни гайдаматьски:
«Гайда, браття, ай лавью».

Закручинилась Марыся:
Ах, и парни, Джек и Джон.
Им в подметки не годится
И Петрусь, и Днепр, и Дон.

Чуден Днепр и чудны ночи.
Под цикады при луне
У Оксаны блещут очи
У джи-ай на тельнике.

Не кукушки загрустили,
Плачет Петина родня –
У виска Петруся рана
От джийского МК.

Видно, мало Украина
Натерпелась поляка,
Когда девушек впрягали
В упряжь панского возка.

Захотелось в оглобли
Снова паничей таскать.
И, намучавшись вволю,
Умолять Москву спасать.

Эх, хо...лы, так в вашу душу.
Сколько горе горевать
С вами нам по самы уши?
Не пора ль и честь узнать.

РУССКАЯ ЦЫГАНОЧКА
Эх, и жизнь наша цыганская,
И одёжа итальянская.
А душа наша – Марусенька,
Синеглазая и русская.

Налетели ветры злые,
И поплыли тучи темные.
На деревьях, что вчера цвели,
Чернота и пустота.

Задымилися туманы,
Загрустили атаманы.
Что вы, черти, приуныли,
Ведь опять будет весна!

Дума черная, развейся.
Душа, догола разденься,
Коль гулять, так уж гулять!
Чтобы маме горевать.

Эх, и жизнь наша цыганская,
И одёжа итальянская.
А душа наша – Марусенька,
Синеглазая и русская.

КАТЕНЬКА, ПОСЛУШАЙТЕ МЕНЯ

Катя, ты обидчива до слез,
Слишком понимаешь все всерьез.
Катя, я тебя жалею,
Наедине с тобой немею.
Катенька, послушайте меня!

Катя, ты то холод, то жара,
То знобит, то жарко до утра.
Катя, образ твой лелею,
Наедине с тобой немею.
Катенька, послушайте меня!

Катя, в этой жизни всё курьез,
Не до сладких грез и горьких слез.
Катя, я благоговею,
Наедине с тобой немею.
Катенька, послушайте меня!

Катя, ты как месяц молодой,
Звезды стелются вокруг дугой.
Катя, кто туман посеял,
Как фата, и сон наваял?
Катенька, послушайте меня!

О РОБОСТИ

Любовь не ситца штука –
Любуясь, не развернешь.
В ней столько таинственной грусти,
И робость её бережет.

О, глупая, глупая робость,
Зачем ты нас бережешь?
Чувство грядущей утраты
В сердце входит, как нож.

Вот, дрогнув, метнулись ресницы.
Обидой сверкает взгляд.
И от любви моей милой
До ненависти – один шаг.

В подворье за старым рыдваном
Гармошка рыдала с тоски.
Не плачь, мое бедное сердце,
От ненависти шаг до любви.

Смерть – это скорый поезд,
Который меня унесет.
В небе месяц туманный
По сжатому полю плывет.

Им х...ли, вари арматуру,
В субботу – уху на берегу.
Были бы бабки, да водку бы дули
В три горла, строившись, в святую среду.

О люди, о звери, ведь было, что пели
В покосных лугах и в ржаную страду.
Солдатские песни о Родине пели
В чужом, иноземном и дерзком краю.

Допились, добились, что песни чужие
Визжат и гнусавят в вашем краю.
И девушек ваших иные
За деньги и даром, и силой берут.

Опомнитесь, вспомните родину милую,
Что затерялась среди широких полей.
Запойте, как раньше, песни старинные,
Будет на сердце у вас веселей.

Серую скуку – серую суку –
С горя не водкой горькой залей.
В мешок её, в воду, и чистой душою
Сияй, словно месяц русских полей.

С веревки слетела рубаха.
Ветер дует со всех концов.
Серое небо устало село
В сырость серых дворов.

Все гляжу, не в далекие дали,
Греза призрак прекрасной страны,
А в осенние зябкие хляби
Невзрачной родной стороны.

Вот невзрачная строгая девушка,
А какая тяга к ней!
Не стремятся так к жаркому югу
От зимы косяки журавлей.

Нет на свете такого художника,
Кто б сумел её так разгадать,
Как мне хочется каждую черточку
С бесконечной тоской целовать.

С журавлиными длинными стопами,
Я б хотел её так целовать,
Что оставил бы ветер березки
На опушке комкать и мять.

Так тоскует бродяга по родине
На седой от веков Колыме,
И кукушка о чем-то неведомом,
Не заботясь ничуть о гнезде.

Ах, тоска моя странная, дивная,
Сколько можно меня волновать?
Ах, невзрачная, строгая, милая,
Кто-то будет тебя целовать?

«ЕГИПТЯНКА» Д.Н.

Никогда я не была в Египте.
Но и в стогах деревенских журавлей
Слышала я тайну пирамиды
И душа моя стремилась к ней.

Вот она бескрайняя пустыня,
(Сколько ярких звёзд ночных над ней!)
Шепчется песками с пирамидой,
И в ответ вздыхает кто-то в ней.

Сердце замирает от пустыни,
Сжалась я в один дрожащий ком.
Звёзды, звёзды – вечно молодые!
Льёт в пустыне свет, и лунный сон.

Свят, свят, свят, спаси меня, помилуй,
Тень легла среди песчаных роз.
Выезжает из-за края пирамиды
Всадник чёрный из полночных грёз.

От песчаной зыбчатой пустыни
Веет зной, а не теплит елей.
Под бурнусом – всадник пирамиды,
Чёрно-красных губ цветущая метель.

Испустила крик душа немая,
Пламенем окутало меня.
«Мама, мама, мамочка родная!»
Из Египта я вернулась не своя.

В ночь-полночь печально плачут очи
В тихом шелесте ночных берез.
Слышу я в них вздохи пирамиды,
И в ответ им стон в глуби песчаных роз.

Никогда я не была в Египте.
Но услышав стоны журавлей,
Милый мой, прижми меня поближе,
Чтоб не взмыла я со стаей журавлей.

ЧТО Ж ТЫ, РОДИМАЯ...

Рябина красная,
А сейчас белая,
Что ж ты, родимая,
Совсем несмелая?

Цветки пушистые,
Как будь-то снежные.
Листочки резные.
Такая нежная!

В тебе все гибкое,
В тебе все тонкое.
Что ж ты, родимая,
Печалью горькая?

Ведь поздней осенью
Ты вспыхнешь красная,
Соединив печаль
С любовью страстною.

И будешь, тонкая,
Страдать и мучаться.
А я тебя жалеть,
И тоже мучаться.

Рябина красная,
А сейчас белая,
Что ж ты, родимая,
Совсем несмелая?

Мария Плесовских

ЛЕТО

Как люблю я сибирское лето,
Что придёт долгожданной порой!
Станет ночью тепло до рассвета
И поманит к реке в летний зной
Затеряться в зелёном пространстве,
Засмотреться в небес синеву.
О природе в июльском убранстве
Не забуду, пока я живу.

ОСЕННИЙ ЛИСТИК

Желтый осенний листик
Тихо качает ветер.
Лето промчалось быстро,
Ходит за далью где-то.

Голыми стали ветки,
Мочит дождями осень,
В поле гуляет ветер,
Стылая в тучах просинь.

Птицы на юг стремятся,
В небе печально плача,
Хочется просто счастья
Или чуть-чуть удачи.

Спустится с неба вечер,
Тайной поманит вечность.
Тихо на голой ветке
Листик качает ветер.

РАЙСКОЕ УТРО

Золотыми лучами
Солнце землю ласкает.
Птицы утро встречают,
На ветвях распевают.

И, похоже, хороший
Новый день настает -
Теплый, ясный, погожий.
Золотится восход.

Если рай есть на свете,
Значит он на Земле.
Есть и рай на планете,
Есть и ад кое-где.

ДОРОГИ

Мы живем в этом мире сложном,
Подчиняясь законам природы,
И, бывает, мечту о возможном,
Заметает метель непогоды.

Заметает следы и дороги,
По которым идти ещё много,
И кружится метель перед нами,
Как её обойти, мы не знаем.

Сквозь метель пробираясь шальную,
Мы не ищем дорогу другую.
Так «дорогу осилит идущий».
Все идем по пути, нас зовущем.

ВЕСЕННИЙ СНЕГ.

Мартовский снег пушистый и чистый.
Он, согреваем солнцем лучистым,
Выпал вчера лишь и тает опять.

Счастье похоже на это явление -
Вспыхнет нечаянно лишь на мгновенье,
Я оглянусь, а его не видать.

ТЮМЕНЬ

Этот город мне с детства знаком
Красотой своих улиц, рекой.
Проплывают по ней корабли,
Исчезая с прибором вдали.
А за городом сосны стоят,
Наш покой, охраняя, не спят.

ОСЕНЬ

Ветер листья срывает,
Заунывно шумит,
В небе тучи гуляют,
Мелкий дождь моросит.

Снова осень приходит
На луга и поля,
Засыпает природа,
Замерзает земля.

Будут травы под снегом
Долго спать до весны
И, под музыку ветра,
Видеть чудные сны.

ЛУЧИК

Лучик солнечной зари
На пригорке встретим.
Пусть бежит он впереди,
Мы его заметим.

И пойдем вослед за ним
По равнине края,
Как красива, поглядим,
Сторона родная.

Здесь пригорки и кусты,
Пашни, перелески
И душистые цветы
Под густым подлеском.

Важная персона

Сказка

Хавронье выделил путевку в санаторий Фонд социального страхования. По этой путевке не полагался одноместный номер, но Хавронья сходилa в администрацию санатория, внесла в кассу доплату и стала жить одна.

Первым делом включила телевизор, музыкальный канал. По нему пели и танцевали афроамериканцы, то есть негры, как их раньше называли. И без конца шли тексты посланий пятиклассниц мальчишкам из соседних классов. Они были одинаковыми по смыслу – «я тебя очень сильно люблю» - и все с ошибками. Никто из авторов не признавал запятых перед обращением, и все писали «хачу» вместо «хочу».

Много было посланий жен своим мужьям. Было много сообщений от разных зверушек. Мелькали подписи «зая», «кролик», «котик». И вдруг появилась подпись «твой боров». Хавронья вздрогнула. Не ей ли? Понять было невозможно. Текст был бесцветным: «Дорогая Чушка привет». И все.

Потом Хавронья пошла к сестре в медпункт, измерить артериальное давление. Около сестры сидел Козел. Он встал и ждал, когда сестра Лисичка сделает запись в его санаторной книжке и журнале. Его пиджак лежал на стуле.

- Убери свои вещи, старый козел! – приказала Хавронья.
- Успеете, зачем торопиться? – смиренно заговорил Козел.

Но дело было не в том, что Хавронья торопилась куда-то. А в том, что ей приходится стоять и ждать. Ей, владелице самого большого свинарника в области! У Хавроньи была завышенная самооценка. Она сразу заважничала.

Она буквально бушевала, когда пришла на процедуру – принять ванну, – а сестры не было. Ожидающая эту же процедуру овечка Долли объяснила:

- У сестры обеденный перерыв. Придет через десять минут. Потерпите.

- Я же пришла. Какой может быть перерыв?!

Конфликты у Хавроньи происходили и в столовой, особенно у бачка с чаем. Там всегда была очередь. Но наша Хавронья в ней стоять не желала. Она прорывалась к крану, брала пакетик чая, уносила мед на свой стол.

Больше всего Хавронья уважала вещи. Придя на процедуру, она ставила обширную сумку на кресло, а сама садилась рядом или стояла, а сумка сидела. На галотерапии – процедуре, где дышат воздухом соляных копий – она беспрерывно хрюкала, обращаясь то к одному, то к другому отдыхающему. И какой отдых? Все уходило с процедуры раздраженными, невеселыми. Весело было одной Хавронье.

Она никогда не выпускала выходящих из столовой, клуба, процедурных кабинетов. Она прорывалась через них и вривалась в помещение.

Однажды она споткнулась о ногу выходящего старого Козла, упала, растянувшись всей тушей у входа в столовую.

Никто не смеялся, но никто ее и не пожалел.

Без ума

Рассказ.

Звонок во втором учебном корпусе университета всегда оповещал об окончании лекции весело и восторженно, на лекцию же звал хрипло, с придыханием.

Лекция по общему языкознанию профессора Дульзон Андрея Павловича закончилась, и я вышел в коридор. Ко мне сразу же подошел высокий студент с биологического факультета, изучавший птиц Сибири, Василий Немировский:

- Говорят, в вашей философской группе учится юноша с необыкновенно умным высоким лбом. Покажи мне его. Я вызвал из аудитории Степана Дербянина. Вася уставился на него. Лоб парня был действительно высоким: он по утрам подбрасывал его, чтобы прослыть умным.

Потом он стал носить подмышкой какой-нибудь толстый том Гегеля, чаще всего «Философию природы». Придя в аудиторию,

столовую, магазин, первым делом выкладывал Гегеля: все видели, какие серьезные книги читает этот молодой человек.

Однажды спросил его:

- Кто автор афоризма «Все действительное разумно, все разумное действительно»?

Степан замялся и тихо промолвил:

- Не ведаю.

Говорю ему:

- Гегель. Как же так: таскаешь постоянно тома Гегеля и не знаешь самое знаменитое его высказывание?

На Степана посмотреть приходили студенты разных факультетов. Он стал известен, но не тем, чем хотел.

Учился наш герой неважно, по несколько раз сдавал сложные для него предметы. Но добрался до пятого курса, защитил на «тройку» дипломную работу и получил диплом об окончании университета.

Его распределили в Тюмень. Здесь, кстати, жили его мать и сестра.

Получил квартиру в деревянном доме на берегу Туры, женился на Линде, надо сказать, классном враче, но непривлекательной внешне.

Через несколько лет мы встретились в Тюмени. Меня пригласил на работу в только что организованный индустриальный институт его ректор – Анатолий Николаевич Косухин. Прошел по конкурсу на заведование кафедрой философии. И только вошел в институт – навстречу Степан Дербянин. Обрадовались друг другу. Чуть ли не первым вопросом сокурсника был:

- А ты сдал кандидатские экзамены?

- Сдал, сдал, - говорю. – Давно.

Степан как-то сразу погрузился, но в гости к себе пригласил.

Был он в составе лекторской группы при облсполкоме. Часто выезжал в районы области с лекциями. Приезжает в поселок или деревню, приходит в клуб, в котором собрались по объявлению слушатели, поднимается на сцену и спрашивает:

- Ну, какую же вам лекцию прочитать?

Вопрос подразумевал скрытый смысл: вот я какой умный – о чем хотите могу рассказать.

Слушатели недоуменно начинают переглядываться, потом самый бойкий говорит:

- Вы уж сами выберете.

Степан начинал перечислять темы лекций, слышанные им в университете. Они труженикам были неинтересны. Кто-нибудь из присутствующих поднимался и шагал к выходу. За ним следовали остальные.

Завклубом заполнял путевку Степану и он благополучно отчитывался.

Подмышкой он теперь носил не тома Гегеля, а пустую папку с красивой надписью «Диссертация». Хотел прослыть за ученого.

По любому поводу повторял:

- Ничего страшного.

Рассказал ему как-то, что хорошо пообедал в диетической столовой, а он в ответ:

- Ничего страшного.

Что к чему, я не понял.

Легко подхватывал глупости, являющиеся по телевидению: «Живи по своим правилам», «Бери от жизни все».

Прочитировал ему стихи Николая Зензина:

Твори добро, и счастье преумножишь.

Не сей ветрами – бурю ты пожнешь.

И не бери от жизни все, что можешь,

А вдруг ты это все не унесешь.

При очередной встрече Степан выдал:

- Мы властны остановить время и запустить его.

- Где ты подхватил эту чушь?

- По телевидению сказали.

- Можно остановить и запустить часы, но не время. Время – свойство процессов, их длительность. Остановится время – погибнет мир.

Особенно нравилось Степану говорить о технических причинах аварий, пожаров, брака в работе, непогоды и закрытия магазинов. Говорю ему:

- Причина у любого следствия одна, но она сложна, не сводится к одному обстоятельству. «Технических причин» не существует.

Летом Степан пригласил меня, Володю Ротмистрова и еще двух знакомых к себе в гости.

Надо сказать, что он всегда был рад гостям, угощал, чем мог. По натуре добрый, всегда помогал другим. А тут допустил такую оплошность, которая вдрызг разбила встречу. Рассказывая о каком-то своем недруге, Степан брякнул:

-Горбатого могила исправит.

Володя Ротмистров был горбат: таким родился.

Он вскочил, на нем лица не было. Забегал по комнате. Степан начал оправдываться неумело, чем еще более обострил ситуацию:

- Володя, дорогой, да я же не про тебя сказал.

Когда гости ушли, Линда спросила:

- Степа, тебе когда-нибудь кто-нибудь говорил, что ты дурак?

- Нет, никогда.

- Так ты, оказывается, не знаешь, какой ты...

Степан после встречи попадался на глаза редко, да и то всегда пьяным. И разговоры у него были только про «бутылек» и всегда с матом. Кончилось дело тем, что он спился. И никакие ухищрения казаться умным ума ему не прибавили.

Станислав Ломакин

О дошкольном воспитании

Национальный проект, связанный с образовательно-воспитательной системой развития в России, появился вовремя. За период перестройки демократы-реформаторы привели образование к такому состоянию, когда человеческий разум и сердце не способны подняться над абсурдными идеями, механически перенесёнными прозападными деятелями на российскую почву. В августе 1998 года в Бостоне (США) состоялся XX Всемирный философский конгресс, посвященный образованию и воспитанию человечества в XXI веке. На этом конгрессе о России говорилось как о носительнице гуманистических идеалов, заложенных советскими традициями, особо подчеркивалось высокое реноме, статус высшего образования, которое сегодня, надо сказать, стремительно (не без участия реформаторов-либералов) падает вниз. Болонская система высшего образования добьет его.

На мой субъективный взгляд: образовательно-воспитательная система России особенно нуждается в возрождении дошкольного и средне-профессионального образования, которые более всего пострадали за период «реформ», если их можно назвать реформами. Образовательно-воспитательной политики в России нет: хаотично, бессистемно реализуются идеи Запада, связанные с рационализацией, компьютеризацией, коммерциализацией высшей, профессиональной и средней школ. При этом замечу: отказ от отечественного опыта приводит к тому, что будущие выпускники школ и вузов будут лишены своих национальных корней, не будут знать своих духовных и нравственных истоков. Прозападная ориентация в обла-

ти образования в нашей стране, хочется надеяться, не обретёт общенациональный масштаб.

В педагогической, психологической, философской литературе уже слышатся голоса, аксиологическая ориентация которых не в пользу западных ценностей, это обнадеживает. Будущее России закладывается в дошкольных и младших классах средней школы. Положение, в котором оказалось дошкольное воспитание, нельзя назвать иначе как катастрофическим. За период перестройки число детских садов сократилось на 2/3, около 4 млн. беспризорных детей, ежегодное убийство неродившихся русских детей путем абортов составляет около 3 млн., по суициду Россия вышла на первое место в мире - 65 тыс. в год, среди них около 16 тыс. детей. Воспитание человека, его становление - длительный процесс. Все выдающиеся педагоги мира, такие как: И.Песталоцци, Я.Коменский, А.Дистервег, Ж.Пиаже, К.Ушинский, А.Макаренко, В.Сухомлинский, в своих научных исследованиях говорили о наиболее важном периоде в становлении личности, первых годах в жизни ребенка. К.Ушинский утверждал, что первые произвольные движения возникают из потребности общения, чувствования другого человека. Первый плач ребенка можно рассматривать как начало его эмоциональной жизни, и если в первый год ребенка общение с ним носит элементарный характер, связанный с пищей, уходом за ним, проявлением ласки, любви к нему, то со временем его эмоциональные реакции, его общение начинают приобретать определённую взаимосвязь с нормами социального поведения. «Крики страдания или удовольствия, - писал К.Ушинский, - гнева или страха несут первые обнаружения в звуках душевной жизни человека».

Психологи доказали: лишение родительской ласки, любви со стороны матери в течение трёх месяцев, в первый год ребенка, приводит к снижению их интеллекта, вызывает необратимые процессы в психике, которые невозможно ничем устранить, и которые могут проявляться как асоциальные, когда в подростковом возрасте ребенок может стать агрессивным и даже преступником. Дошкольные учреждения и родители являются главными воспитателями детей младшего возраста.

Воспитать гуманного человека может тот, кто сам воспитан; гуманностью должна быть проникнута вся атмосфера в детском саду, семье, школе. Наше телевидение иногда показывает подростковые, детские разборки между собой, а канал ТНТ, показывающий «ДОМ-2», убеждает миллионы людей (кто хотя бы раз посмотрел

эту передачу), насколько пало наше общество в нравственном отношении за последние два десятка лет.

Припоминаются слова древнего китайского философа Конфуция, не помню дословно, поэтому не буду брать цитату в кавычки: Посмотрите, какие народ поет песни, как он разговаривает, и вы оцените: кто им управляет и какова его нравственность. В центре дошкольного воспитания стоят проблемы психического и интеллектуального развития ребенка. Эти фундаментальные проблемы взаимосвязаны. Они, начиная с игры, подражания, мышления, воображения, памяти, воли, речи, должны стать предметом научных исследований, т.к. речь идёт о людях XXI столетия. Сошлюсь лишь на один пример, взятый из воспитательной практики Японии. Там в дошкольных учреждениях работают люди наивысшего интеллекта, т.е. профессора. В последнее время в Японии в воспитательных, образовательных целях внедряют дидактику К.Ушинского. Они наложили табу (запрет) на использование детьми компьютера, т.к. компьютерная зависимость сродни наркотической. Уже доказано, что компьютеризация не поднимает интеллект и нравственность человека. А теперь, сравните нашу систему образования с японской? Комментарии излишни.

У каждого ребенка в процессе взросления происходит формирование чувства идентичности. Ребенок ищет ответы на вопросы «Кто я?», «Чем я отличаюсь от других детей, людей?» Полученный опыт в детстве, связанный с милосердным отношением к нему или наоборот, надолго остается в эмоциональной памяти, а приобретенный опыт становится доминантой в отношениях с людьми.

Чувства ребенка формируются постепенно, их источником служат различные идентификации, уходящие корнями в детство. Ценностные и моральные стандарты детей младшего возраста преимущественно отражают ценности и мораль их родителей, они являются для них идеалами: чувство собственной значимости у детей определяется в основном отношением к ним родителей. И качества, приписываемые детьми себе, не всегда являются объективными, т.к. они видят себя глазами своих родителей. К.Ушинский очень верно замечает: «Каждый из нас более человек в том, что он чувствует, чем в том, как он думает». В своем индивидуальном развитии ребенок проходит этап социализации. И здесь роль принадлежит общению ребенка с родителями, воспитателями, с разными людьми, имеющими свой социальный, эмоционально-нравственный опыт, который усваивается в процессе общения. Однако, признавая великую силу воспитания, общения как важнейших факторов социализации,

нужно в то же время считаться с наследственными факторами, они не нивелируют наследственной разнокачественности. А она, в свою очередь, ставит перед страной задачи по разработке мер и программ нестандартного воспитания и образования детей. Жан Пиаже, основатель экспериментальной психологии, утверждал, что душа ребенка бьется на пороге «двойного бытия». Я понимаю это так: первое бытие - собственный мир ребенка, заданный в его генах, а второе бытие - это реальный мир, поставляющий ему учителей с их разным жизненным опытом. Именно дошкольные учреждения и родители призваны воспитать наших детей на начальном этапе их развития, формировать у них духовно-нравственный облик человека XXI века.

Пишу и думаю, кого сегодня интересует мораль, нравственные чувства, если жизнь людей проходит у большинства через желудок и связана с наличием денег в кошельке... И всё-таки, нельзя не учитывать того фактора, что вся история развития человечества связана с действующими в обществе нормами и принципами морали, с точки зрения их нравственной ценности, критерием которой выступают идеалы, убеждения личности. Сознание родившегося ребенка представляет *tabula rasa* - «чистая доска», постепенно, с взрослением, она заполняется стереотипами, культурными доминантами, знаниями прошлой жизни людей и нынешними социализированными способами поведения среди себе подобных. И очень важно умным наставникам показать детям, что такое добро и зло, честность, порядочность, ответственность, скромность, но, что еще более важно, приобщить их к эмоциональному миру других людей, научить осознавать чужую боль, горе, способность к сопереживанию и даже к самопожертвованию в интересах страны. Всё это нужно воспитывать в ребенке с младенчества, как говорит народная мудрость - «когда ребенок лежит поперек лавки».

Лев Толстой, серьезно занимавшийся педагогикой и практикой (у него есть труды в этой области), писал: «Разве не тогда я приобрел всё то, чем живу, и приобрел так быстро, что всю оставшуюся жизнь я не приобрел и одной сотой того. От пятилетнего ребенка до меня (75-летнего) один только шаг». Интересны наблюдения Корнея Чуковского за детьми, изложенные им в прекрасной книге «От двух до пяти».

Сегодня, когда наконец-то заговорили о национальных проектах: демографическом, образовательном, семейных отношениях, о непреходящих ценностях, связанных с воспитанием подрастающего поколения (подчеркну еще раз значимость дошкольного возраста

ребенка), которому предстоит жить в сложнейших условиях современной действительности, усваивать ее стандарты, как под воздействием спонтанных факторов социализации, так и через мировоззренческую направленность воспитательно-образовательного процесса, огромную роль в образовании и воспитании детей, в формировании жизненно-необходимых нравственных ориентиров, поведенческих структур должна сыграть русская Православная Церковь (как и другие религиозные конфессии). Она имеет многовековой опыт, который в сфере воспитания способствует появлению у детей жизненной позиции, убеждений, шкалы ценностей.

Лазурное видение

Вторая книга «Лазурное видение» Серковой Милетты мало отличается по тематике от первой. В безграничном океане поэзии и прозы, с их разнообразием жанров, лирика, воспевающая радости жизни, с ее грустью и надеждой, занимает далеко не последнее место. В соответствии со своим эстетическим восприятием мира, она стремится придать словесным, иногда прерывистым, неровным ритмам, экзотику, красочность, романтизм воображения:

Зажженный свет однажды угасает,
И тленье не всегда несет покой.
Так ветер по песчинкам растрясает
Святой завет, окрашенный судьбой.

В стихах и рассказах М.Серкова раскрывает душевную дисгармонию, разочарование, навеянное жизненными ситуациями, после которых наступает просветленное умиротворение. Но и оно не снимает тревоги, и вместо чеканных строк, выдержанных в канонах классического русского стихосложения, появляются эллиптические фразы, нелитературные, чисто разговорные слова и выражения. Это связано с переполнением чувств, ибо они вырастают из непосредственного опыта эмоциональной жизни автора, вдруг появляются удивительно музыкальные строки, от начала до конца выдержанные в правилах классического стихосложения:

Мой берег жизни возрастает,
Скудеют чувства от тоски,
И год печально прибывает,
Я - тень на праведном пути.

В рассказах поэтессы просматриваются черты нашего времени. Она пытается через свой небольшой опыт раскрыть внутренний мир современника.

У М. Серковой прослеживается устремление ощущать закономерности движения общества вообще, и России в частности, предчувствовать его повороты и взлеты. В небольших новеллах «Утро», «Спасение», «Призвание», «Не умирай», «Дремота», «Спасаясь гибнуть», «Последняя радость бытия» ощущается авторское присутствие. Ее сочувствие к людям - высшая мера авторской оценки описываемых событий. Новеллы Серковой - это психологические этюды, основанные на личном душевном опыте и окрашенные неповторимым светом добра к своим персонажам. Новеллы ее антиромантичны и по сюжету почти никогда не бывают острыми, скорее грустными и трагичными. М.Серковой больше по душе точность в обрисовке действительности, трезвость взгляда на жизнь, достоверность в изображении страстей и душевных движений.

Читая новеллы Серковой, замечаешь, что она сдерживает свои мысли и чувства, не стремится обнажать их, не репается высказывать их вслух, а если и откровенничает, то эти мысли составляют очень небольшую и неясную для нас их часть. Реализовать себя, означает совершить титаническое усилие над самим собой. Только ценой риска полного уничтожения (как Л.Н. Толстой, Ж.Ж. Руссо в их исповедальности), вырывая себя с корнем из бытия, можно стать настоящим писателем.

Кот Матвей

Кот Матвей имел двух хозяев. Одного официального, у которого жил постоянно, а другого - деда Захара, маргинального, т.е. временного. Кот Матвей приходил к деду Захару как гость на неопределенное время, иногда оно растягивалось на несколько суток, а потом он неожиданно исчезал и появлялся через неделю, две. Это был здоровенный сибирский кот черного окраса. Его огромная голова трапециевидной формы покоилась на толстой мощной шее. Ноги тоже толстые, средней длины, с крупными круглыми лапами и густыми пучками шерсти между пальцами. Уши, широкие у основания, имеют форму равностороннего треугольника. Нос небольшой. Подушки усов делали его морду красивой. Глаза у Матвея крупные, широко расставленные, цвет их гармонирует с черным окрасом. На выпуклом лбу, выше глаз, покоилась небольшая белая звездочка.

Матвей появлялся тогда, когда видел деда Захара сидящим на крыльце. Дед не сидел без дела, он чинил сети, чистил картошку, набивал порохом патроны, готовясь к открытию охоты. Словом дел у сельского пенсионера всегда великое множество. Зимой дед Захар

выходил покурить на крыльцо, садился на старую фуфайку и предавался размышлениям. Вот снег кругом, в цвете его заключена вся красота полей, огородов, всей деревни. Чем больше снега на полях, тем больше изобилия, которое последует летом. Красота цвета, - размышлял старик, - равным образом является показателем чего-то ценного и совершенного. Всё в мире сообразно, наилучшим образом приспособлено, являясь следствием, знаком какого-то сверххранения, духа...

Кот Матвей появлялся из подворотни и прерывал размышления старика. Дед Захар при встрече всегда произносил одну и ту же фразу: «Явился, не запылится». Матвей, прежде чем подойти к деду, всегда соблюдал свой ритуал, он зимой и летом, встряхивал ноги, а затем подходил к деду и терся молча об его ноги.

Старик поднимался, открывал дверь в дом, пропуская Матвея, разговаривая с ним, не повышая голоса, вызывая доверие Матвея к деду. Матвей чувствовал себя у деда вольготно. Старик кормил кота тем, что сам ел, кот проходил в большую комнату и укладывался спать на любимое кресло. Он сам устанавливал себе режим: когда спать, когда гулять, влюбляться и развлекаться. Спал Матвей, после еды, несколько часов, лишь принимая различные позы во время сна.

Последнее время Матвей приходил в гости к деду Захару не один, он приводил с собой подругу. Старик за два месяца насчитал семь кошек. Все они были разные по окрасу, но все были голодные. Старик выносил во двор еду в двух чашках: одну Матвею, другую его очередной подруге. Матвей к еде не притрагивался, он смотрел, как ест его возлюбленная, а она, покончив с едой, переходила к чашке Матвея. Дед Захар иногда ворчал: «Где ты, Матвей, находишь таких прожорливых голодранок?» Матвей уводил голодранку и приводил следующую на смотрины к старику. Одна трехшерстная небольшая кошечка понравилась деду, она скромно подошла к чашке с едой, целомудренно, культурно поела, оставив большую часть еды, и направилась в дом в сопровождении Матвея. Сейчас она стала полновластной хозяйкой в доме деда Захара. Матвей все реже и реже появляется у старого хозяина, и есть надежда, что он окончательно насовсем поселится у деда Захара. Кошка Лизка, так назвал ее старик, благосклонно приветствует кота Матвея и, надо полагать, что их союз будет долгим.

Приятная встреча

Настроение было паршивое. Студенты снова были неготовы. Зная характер и слабость Михаила Авенировича они, чтобы не отвечать на поставленные вопросы преподавателя, сами их задавали, прекрасно зная о том, что вопросы не останутся без ответа.

Семинарские занятия походили на вечер вопросов и ответов. Михаил Авенирович сам побуждал, приучал студентов к вопросам, т.к. каждое семинарское занятие и лекцию традиционно начинал так: «Какие ко мне будут вопросы?». Вот тогда и начиналось: вопросы касались не только философии, студенты иногда специально готовили их, черпая из разных книг, источников, интернета. Заковыристые вопросы давали студентам возможность ставить иногда в тупик преподавателя. Выручало знание латинского языка, особенно тогда, когда учащиеся выуживали вопросы из энциклопедических словарей. Михаил Авенирович, конечно, догадывался о причине задаваемых вопросов и сам с удовольствием включался в эту игру, провоцируя студентов на поиски ответов на поставленные вопросы.

Были и такие вопросы, на которые преподаватель не знал ответа и честно говорил об этом, собираясь на следующую встречу найти ответ. Однажды пришла записка с просьбой ответить на вопрос: что такое фаргелет? Михаил Авенирович засмутился, он пытался найти какое-либо латинское сочетание, но ничего не получилось и вынужден был признаться, что такого слова не встречал и его значение не знает. Дома, снова вернулся к заданному вопросу и вдруг прозрел, а что если прочитать не слева направо, а наоборот, то получится телеграф. Вот сорванцы, дурят нашего брата! Иногда лучшая наука – не знать некоторых слов, либо притвориться, что не знаешь. Действительно наш разум заключает и те истины, о которых следует умалчивать.

Михаил Авенирович старался, по возможности, отвечать на все вопросы своих студентов, какими бы провокационными они ни были. И студенты любили его за это. Очень часто задавали вопросы о Сталине, его режиме, называя его кровавым тираном, диктатором. Лектор понимал тех, кто так аттестовывал И. Сталина, т.к. родились они в другую эпоху и все либерально-демократические СМИ, на протяжении двух десятков лет, поливали грязью Сталина, а заодно, и советскую власть. При такой идеологии, если её можно назвать идеологией, поневоле станешь конформистом, т.е. человеком, у которого отсутствует критическое отношение к миру. Как-то, по памяти он процитировал следующее высказывание: «Реформы неизбежны и это должны быть реформы органические, опирающиеся на

традиции, при постепенном восстановлении православного самосознания. Очень скоро войны за территории сменят войны холодные за ресурсы и энергию! Нужно быть готовым к этому, овладение новыми видами энергии должно стать приоритетом наших ученых. Их успех – залог независимости в будущем!»

- Вы согласны с этим высказыванием?

- Да, да, прекрасное высказывание, верное, пророческое, гениальное, современное! - раздались голоса в большом лекционном зале, заполненном студентами.

- Это суждение, принадлежит Сталину. Написано оно за несколько месяцев до смерти, осенью 1952г.

Вопросов о Сталине не стало меньше, но студенты стали читать произведения его и соглашались с позитивной оценкой данной ему многими выдающимися деятелями, учеными, патриотами, политиками разных стран мира.

Михаил Авенирович шёл домой, погруженный в свои преподавательские заботы. Его мысли возвращались к студентам, которые по заранее заданной схеме заставляли говорить целый час, хотя *seminarium*, по латыни, рассадник знаний, где все должны выказывать свою активность, а не превращать его в монолог преподавателя. Есть же учебная программа и её надо выполнять. И надо сказать, она выполнялась - проблем со студентами у Михаила Авенировича не было. Они почти все ходили на лекции и семинары, многие участвовали в научно-практических конференциях, публиковали свои статьи в коллективных сборниках учёных и даже становились аспирантами по философии. Михаил Авенирович подходил к газетному киоску, в котором иногда покупал газеты патриотической направленности, и обратил внимание на номер «Жигули» седьмой модели 666. Из машины вышла полная немолодая женщина, она шла к киоску и Михаил Авенирович спросил: «Не смущает Вас цифра 666 – это знак зверя?» Женщина нахмурилась, и Михаил Авенирович подумал: «Ну все, нарвался, сейчас тебе словесно влетит и поделом, не будешь свое настроение переносит на других.»

Неожиданно лицо женщины разгладилось, помолодело и она спросила:

- Вы, Карякин Михаил Авенирович?

- Да.

- Я училась у вас двадцать с лишним лет назад, а в прошлом семестре мой сын Игорь прослушал курс ваших лекций и получил хорошо.

- Господи, какой же я старый, - молвил Михаил Авенирович, - скоро придет, наверное, время и я буду учить Ваших внуков.

- Да что Вы говорите! Для своих лет, Вы хорошо сохранились и молодо выглядите.

- Спасибо!

- А Вы знаете, Михаил Авенирович, мы девчонки тех лет, всем курсом, были влюблены в Вас. И когда в конце семестра Вы давали письменную работу без указания фамилий «Что дала мне философия», в ней мы и раскрывали свое отношение к Вам. Мы не только писали о философии, но и о вашей безмерной памяти, эрудиции, знаниях, ваших научных книгах, которые тогда появлялись, мы объяснялись Вам в любви. Когда мы собираемся своим курсом, мы часто с благодарностью вспоминаем Вас. Правда! Спасибо Вам!

Михаил Авенирович шёл домой и думал: «Может действительно, не зря живу на земле?». Дней нам отпущено более, нежели блаженных часов. Но они есть, эти часы, они наполнены радостью, вдохновением, отличным настроением, в каком я сейчас и пребываю. Сердце вещее - особый дар природы. Перед кем открываешь душу, те становятся носителями добродетелей, а добродетель - престол честности и порядочности....

Хроника одного путешествия

После австралийской экзотики, с её совершенно неповторимой природной данностью, уникальным не имеющим аналога в мире, разнообразием климатических условий, Игорь Васильевич Костров возвращался уставшим и потрепанным от всего увиденного и пережитого. Длительные перелёты от Мельбурна до Токио, а затем в Москву занимают почти сутки. Из Москвы до Сингапура, а затем до Сиднея тоже около суток. Даже очень крепкие молодые люди жаловались на нездоровье после таких длительных перелётов, а Игорю Васильевичу через два года исполняется шестьдесят. Австралия для него последний материк Земли, о котором он мечтал, и мечта осуществилась.

В советское время он побывал на нескольких континентах. Монотонная работа двигателей лайнера усыпляла, но и возвращала к дням, проведенным на Тихом и Индийском океанах, острове Тасмания, островах Кенгуру, Тигров. Посещение культурного центра аборигенов, Парка австралийских животных, где в единственном экземпляре был белый кенгуру (альбинос), морских аквариумов, где плавали акулы и безногие дельфины. Сонные коалы, малыши-пингины, морские крокодилы, рептилии, живописные водопады,

погружение с маской и трубкой в Коралловом море, чудесные парки, музеи, пляжи, отели и рестораны – все это увиденное, вновь и вновь возникало, как поразившая кинокартина, вызывающая приятные незабываемые ассоциации. Деньги, которые копил Игорь Васильевич несколько лет на поездку, истончались. Он почти ничего не покупал и не сожалел об этом. Ещё в юности он вычитал поразившие его строки Ф.Тютчева и, по возможности, следовал им: «Всякое ослабление умственной жизни в обществе, неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических интересов». Он не страдал стяжательством и сребролюбием и никогда не сутяжничал, не канючил относительно увеличения зарплаты за свой труд. Трудился, воспитывал своих и чужих детей и полагал, что ему платят столько, сколько он заслуживает. Всю свою сознательную жизнь, сколько помнит себя, Игорь Васильевич читал, никто из коллег не видел его праздным. В автобусе, поезде, самолете, в перерывах между лекциями он читал, и всегда в его руках были научные книги, рукописи, сборники поэзии и прозы.

Разные мысли приходили в голову Игоря Васильевича во время перелётов. Наблюдая за людьми, он пришел к мысли, что природа пользуется для своих целей ими, как инструментами, общество подвигает человека к гордости, нищете, честолюбию, славе, тщеславию или к безвестности. Природа, вознамерившись создать порядочного и умного человека, ни с кем не советуется. Его поведенческие структуры формируются средой и тем, что угодно Всевышнему... Когда человек утрачивает свои возможности, в следствии возраста, их могут заменить лишь доброе имя и щедрость души. Мысли Игоря Васильевича прервала хорошо поставленным голосом стюардесса сообщив, что нужно пристегнуть ремни, т.к. самолёт производит посадку на Шереметьевском аэропорте г. Москвы. Как всегда, благодарные пассажиры аплодисментами поблагодарили экипаж, эта традиция утвердилась давно среди европейцев, хотя иногда возникает сомнение, кому рукоплескали пассажиры, лётчикам или самим себе, своему здоровью, т.к. долетели без происшествий...

В аэропорте Игорь Васильевич, получив свой небольшой багаж, услышал объявление: «Начинается посадка в самолет, вылетающий по маршруту: Москва – Новосибирск». Сердце его дрогнуло, а что если махнуть до Малой Родины – Кыштовки. До конца отпуска еще две недели. Он разменял доллары на рубли, оказалось

что и на обратный путь от Кыштовки до Томска хватит. Без очереди купил билет на следующий рейс до Новосибирска. Через четыре часа он был уже в аэропорте Толмачево, а оттуда на автобусе доехал до железнодорожного вокзала и, опять удача с билетами, через полчаса он уже сидел в купейном вагоне и его путь до встречи с Кыштовкой сокращался. Здесь необходимы пояснения: чтобы добраться до Малой Родины – Кыштовки нужно по железной дороге, от Новосибирска доехать до станции Чаны, а дальше еще около двухсот километров автобусом. На станцию «Чаны» поезд прибыл ночью. И снова удача, автобус до Кыштовки с автовокзала отправляется через 50 минут, и Игорь Васильевич уже через 3,5 часа предвкушал встречу с Родиной. Комфортабельный автобус почти полностью был заполнен пассажирами. Игорь Васильевич вглядывался в очертание местности, прекрасной асфальтированной дороги, освещенной встречными машинами и фарами автобуса. Он помнил себя студентом, молодым человеком, когда от Чанов до Кыштовки приходилось ехать несколько суток. Дорогу называли «Торцовкой», она существовала несколько десятков лет. Строители валили деревья, распиливали их на одинаковые по размеру, длине чурки, насыпали горы земли, утрамбовывали их, но болотистая местность после дождя и движения машин расплывалась чурки, превращая дорогу в сплошные колдобины и выбоины. Машины постоянно буксовали, и их приходилось вытаскивать разными способами, используя не только трактора, но и живую силу, т.е. людей толкавших, подкладывающих под колеса машины все, что могло пригодиться, вырубая в основном деревья, растущие вдоль дороги...

Начинался рассвет, солнце выкатывалось из-за леса, расцвечивая своими бликами местность, лучи его дробились на сотни сверкающих осколков в лужицах, оставшихся на дороге после дождя...

Автобус въехал на бетонный мост, соединяющий берега реки Тары. Пассажиры зашевелились и через несколько минут рейсовый автобус Чаны – Кыштовка остановился у автовокзала.

Игорь Васильевич, подъезжая к селу, обратил внимание на новые появившиеся кирпичные дома, магазины, на одном из которых прочитал надпись, объясняющую, что это филиал какого-то банка. Надо же и сюда докатилась современная цивилизация, убивающая милый, первозданный, патриархальный природный лик села. Выйдя из автобуса, он ощутил знакомый запах земли. С моста, когда проезжал, он увидел: берег Тары украшали, несмотря на раннее время, несколько подростков и мужчина, стоявшие по колено в воде с удочками. «Все как и прежде,» - подумал Игорь Васильевич, и

это видение заставляет думать о вечном, а жизнь человека, по сравнению с вечностью - одно мгновение... В такие мгновенья русский человек ностальгирует и думает о том, что ни за какие блага, деньги не может поменять место жительства, изменить Малой Родине, России, какие бы трудности не испытывал в жизни. Может это высокопарно звучит, но так думает большинство людей, живущих в России. Ко всему этому следует добавить еще то соображение, что возвеличивание своей Малой Родины связано, благодаря сравнению, с другой местностью, природой, принадлежащей к тому же климату. Но всё же главным источником любви является ассоциация, благодаря которой человек вдали от Родины наделяет её возвышенными словами и чувствами.

Первые два дня пребывания на Родине Игорь Васильевич посетил сельское кладбище, где упокоились его родственники. Он всегда размышлял, когда стоял у могилы матери. Простой деревянный крест, огороженный железной оградкой, вызывал у него чувство виноватости, что мало бывал дома. Он думал о том, что не хотел бы лежать в огромном мертвом городе среди незнакомых ему людей: «Упокоиться бы рядом с мамой, здесь моё место». Колодец жизни мелеет и времени до Судного Дня остается все меньше и меньше. Никакие идеальные цели - императивы не обладают мобилизационной способностью русских людей, в определённое время, как тяга, устремленность побывать там, где прошло твое детство и юность. Мучительные приступы ностальгии вызывают в душе настоятельную потребность увидеть покосившиеся избы, старые дворы, друзей с которыми учился, сходить на речку Тару. Это состояние приходит тогда, когда наступает внутренний духовный кризис и справиться с ним можно лишь возвращением в прошлое.

Сколько тысяч людей, покинувших в молодые годы Малую Родину, мысленно возвращаются к ней - это драма и даже трагедия. В.Шукшин точно охарактеризовал состояние такого человека, который одной ногой в лодке, а другой на берегу и оттолкнуться нельзя и пристать невозможно. Драма людей, укоренившихся с молодости в городской жизни и получивших неплохое образование, набившие голову разными знаниями, заключается в том, что они не могут приспособиться к деревенской жизни, не могут общаться с людьми не своего уровня. Многие известные люди в конце своей жизни приезжают на Малую Родину, но обнаруживают вокруг себя пустоту, их никто не знает, тот слой людей, с которыми дружили, знали,

они уже ушли в мир иной. Об этом часто думал Игорь Васильевич, когда бывал на Родине. Без общения, без насыщенности, интенсивной деятельности, которой жил он в городе - трудно. Очень трудно.

Игорь Васильевич очень любил произведения Вл. Солоухина, который как и В.Шукшин собирался осесть в селе, где родился, но так и не решился. В завещании писатель и мыслитель, которого отпевал сам Патриарх Алексий II в храме Христа Спасителя, просил похоронить его в селе Алепино Владимирской области рядом с матерью, отцом и дедом, где и упокоился.

Прошло еще три дня пребывания в Кыштовке и душа Игоря Васильевича затосковала, она немотствовала и требовала перемены мест, изменений в его, как ему казалось, отлаженной жизни. Однажды в разговоре с сестрой Галиной и её мужем Александром коснулись темы, о которой сегодня говорят почти все средства массовой информации России. Речь зашла о Даниловом озере, которое расположено в 70 км от Кыштовки. Разговор всколыхнул путешественника, он поведал о том, что несколько десятков лет назад побывал на озере с группой работников райкома комсомола. Он прочел все, что написал ученый и писатель из Омска Михаил Речкин. Дважды слышал передачу его по центральному телевидению и, наверное, после его книг и передач о целительных свойствах Данилова озера, народ хлынул в наши края. Тем более, что добраться до озера не составляло больших трудностей с появлением хорошей дороги до Кыштовки. М.Речкин рассказывал и писал ещё о четырех озерах, которые как и Данилово озеро имеют космическое происхождение, пятое озеро ещё не найдено, только есть предположение в каком месте нужно искать.

Все эти озера, по мнению ученых, связаны друг с другом подземной рекой и образовались они много тысяч лет назад в результате падения на Землю осколков большого метеорита. О каких только загадочных явлениях не прочитал, не услышал Игорь Васильевич, может это легенды? Люди, лечившиеся от разных болезней, рассказывают о том, что время от времени на поверхности Данилова озера видели всплывающую на поверхность воды, как проявившиеся фотографию, огромную голову старика и исчезающую через несколько минут.

Может это Данила? Вспоминаются строчки Ф.Тютчева:

Когда пробьет последний час природы,
Состав частей разрушится земных,
Все зримое опять покроют воды
И Божий лик изобразится в них...

Очевидцы рассказывают, что из глубины Данилова озера взлетают разноцветные лучи, уходящие в небо, наблюдали пролеты НЛО, говорящие о том, что на глубине озера находится кристалл, являющийся энергетическим информационным центром, который соотносится с различными планетами солнечной системы. Подобные информационные системы, считают ученые, существуют в районе Бермудского треугольника и Тибета.

Сборы были недолги, Александр на своей машине решил доставить заядлого путешественника до Данилова озера. Дорогой Игорь Васильевич поведал Александру о своем впечатлении от первого посещения сорокалетней давности озера. Когда мы подъехали к нему, то поразились чистоте его воды, озеро предстало в виде огромной чаши, на берегах, которой рос хвойный лес. С противоположной стороны берега, это территория Омской области, мы увидели одну семью молодых супругов и девочку лет шести. Мы купались, пили воду, плавали, резвились, не догадываясь о целебных свойствах чудо-озера, о котором сегодня говорит весь мир.

Природа прячет свои сокровища, она оберегает их. Лесная дорога к озеру, для легковых машин, труднопроходима, а в ненастную погоду добраться невозможно. Озеро оберегают от многочисленных туристов тучи мошек, комаров, слепней, паутов, но это слабая защита.

Вторая встреча с Даниловым озером произвела на Игоря Васильевича гнетущее впечатление. Вдоль всего побережья стоят сотни машин и палаток. Появились магазины, волейбольная площадка, в землю вкопан большой бильярд, гремит, неумолкая, музыка, озеро бороздят люди разных возрастов на катамаранах. Появились ловкие дельцы, которые берут деньги не только за стоянку машин, но и за голубую грязь. Её вывозят центнерами, как и воду в разных емкостях, люди готовы вычерпать все озеро. К озеру устремились вояжеры из различных регионов России, из ближнего и дальнего зарубежья. Уникальное целебное озеро предприимчивые люди превратили в досуговую индустрию. Деревья вокруг озера вырубаются, а это приведет к его обмелению. Разумные люди берутся за добрые дела, потому что сознают их необходимость, недалекие, пустые – потому что не понимают их важность и руководствуются своими меркантильными интересами.

Игорь Васильевич, оставив одежду в машине, решил поплавать. Он миновал большую часть расстояния, доплыв почти до середины озера, и только там решил напиться святой воды, т.к. далеко от берега она, по его мнению, чистая и незамутненная. Возвратив-

шись на берег Игорь Васильевич попросил Александра ехать обратно.

Дома Игорь Васильевич твердо заявил, что закончил свое путешествие, свой отпуск и оно для него последнее, ему хватит впечатлений, воспоминаний о путешествиях до конца его дней. Поверим вечному страннику на слово...

Наталья Эрбес

НЕТИПИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Всё слушает он на перроне
колесный размеренный стук:
«Догоним, догоним, догоним.
Не выпусти счастье из рук»

Уехала в мягком вагоне
от быта российских халуп,
от ласковых жестких ладоней,
от нежных обветренных губ.

Сказала, уже не вернется,
на слезы прощальные скуп.
Стоит под дождями и солнцем
Избы недостроенной сруб.

ЭТОТ ГОРОД

Этот город на мой похож,
словно младший брат переросший.
Он протягивал мне сквозь дождь
городских площадей ладоши,

вел по набережной реки
и понравиться так стремился,
что под легкие каблучки
через речку мостом ложился.

Этот город похож на мой,
словно брат, незнакомый прежде.

Он запомнится мне такой –
теплый, летний, в яркой одежде.

В ПРЕДДВЕРЬЕ ОСЕНИ

Прокатился по краю
Август яблоком спелым.
То ли я не такая,
То ли ты был не смелым?

Как песок через сито,
Как водичка сквозь пальцы,
То, что мной не испито,
Устремляется дальше.

Прокатился по блюду
Август, сердце терзая,
Обещая вернуться,
Легким облаком тая.

И поют в переулке
Без надрыва и фальши
О любви и разлуке
Перелетные пташки.

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ

Когда веселую беспечность лета
сменяет осени задумчивой пора,
в притихших парках, перед сном раздетых,
мороз подросток бродит до утра.

Но не позволит мудрая природа
сгубить живое стуже до весны,
всё дождиком отмоев непогода,
укроет снегом, и навеет сны.

ПРОТИВ ВЕТРА

Трудно птице – против ветра,
но назад не повернуть.
Километр за километром,
нелегко дается путь.

Ветер злой ломает крылья,
мелкий снег слепит глаза,
на исходе все усилья,
повернуть назад нельзя.

В этой схватке неизбежной
победить должна она.
Там, в лесу на ветке снежной,
дом, покой и тишина.

ГИМН ЛЕТУ

Ах, лето, ты, как прежде, здесь!
В объятьях теплых таю снова.
Благодарю за эту смесь
зеленого, и голубого,
и всех цветов, какие есть;
за щедрость солнца золотого;
за то, что ты даешь расцвести
всему, что расцветать готово;
и что не можешь надоесть.
Ты - радость для всего живого!

КРОШИТСЯ ТУЧА

Крошится туча, сыплется с неба,
кутает землю нежностью снега,
белым покоем, звездным свеченьем,
необычайным перевоплощеньем.

Жертвует туча легкое тело,
чтобы в морозы землю согрело,
крошится, сыплется в легком круженье
неба защита и всепрощенье.

ШКАТУЛКА

Мелодия любви живет
на столике в шкатулке старой.
Когда-то, ночи напролет
глаз мастер не смыкал усталых.

Он знал, что душу отдает
всем, кто возьмет шкатулку в руки,

откроет крышку и замрет,
любви печальной слыша звуки.

Пусть стрелки времени вперед
бегут, любовь его осталась,
мелодия её живет
на столике в шкатулке старой.

ВОСКРЕСНЫЙ БЛЮЗ

Закат в небе тает,
И, залит огнями,
Мой город взлетает
Над будними днями.

Он кружится в ритме
Вечернего блюза
И тянет напитки
Воскресных иллюзий.

Он в будни казался
Таким неказистым,
Теперь элегантен,
Красив и изыскан.

С чего же мой город
Так преобразился?
Он мне по секрету
Шепнул, что влюбился.

Как косы, я песни
Из слов заплетаю,
И с городом вместе
Над миром взлетаю.

ОЖИДАНИЕ

На стенах от огня плясали тени,
морозно за окном дышала ночь.
Подкладывая снова в печь поленья,
Она гнала плохие мысли прочь.

Снег серебристо-белым покрывалом
почти касался низкого окна.
И ни следов, ни звука, ни сигнала.
Она здесь, как затворница, одна.

А лунный свет блестел в снежинке каждой,
когда Она, впадая в забытьё,
ждала, что постучит Он в дверь однажды,
спасет из плена снежного её.

ЗАЧЕМ МЕНЯ ТАК МАНИТ ЛЕС?

Зачем меня так манит лес
Своей таинственностью темной,
И высотой до небес,
И тишиной своей бездонной?

Какая сказка здесь живет
В плену у этих елей-сосен?
А лес зовет меня, зовет,
Тропинку мне под ноги бросив.

Перекресток весны и осени

В степи было тихо. Первые всходы пшеницы умертвил снег, неожиданно покрыв их головы. Он в невинность обрядил все огречи пашни: кочки, ямки, плешины. Всё побелил, всему подарил возможность иного начала. Ровная гладь сияла величаво, но в то же время как-то печально.

Печальна была и женщина. Она, словно это поле, казалась ужасающе бледной, неподвижной и одинокой. Ее голову раньше времени припорошила седина, ее тело сковала тоска и боль сердечная, ее голос застудил ветер бесконечных перемен, плач застыл в глубине души под натиском житейских проблем. Женщина вглядывалась в снежный покров, угадывала, что под ним и завидовала свойствам природы... Человек иногда тоже мечтает об обновлении всей своей жизни.

Перемены!.. Когда и какие?! Сколько бездонных дней и ночей нужно переждать, чтобы прочувствовать радость, чтобы возвестить покой в своем доме? А ведь сердце уже бессильно, исчерпаны грёзы, исплаканы материнские слёзы. Холод сейчас ежеминутно опекал женщину, распластавшуюся на заснеженной земле; караулил всю её прошлую жизнь, обряженную в наряды печали; бежал в будущее, предвещая расставание со всем тем, что еще хоть немного заставляло жить...

Ясный взгляд небесно-серых глаз застыл... И вдруг встрепенулся, отчаянно забегал вдоль и поперек поля, видневшегося околка, пугаясь увиденного, боясь саму себя. «Кто я? Где я? Зачем?»,-

обезумевшим голосом забормотала она. И опять неподвижность, отстраненность, тишина...

А потом слабый голос, точнее – шепот, причитание, бред: «... Вот дневник, я опять плачу? Нет, скорей не плачу, а рыдаю. Я сотрясаюсь от боли и бессилия. У меня уже нет сил излагать, укорачивать эти потоки горечи в рукописях... Я не могу, не могу больше... Закричать, закричать бы... но и этого я не могу, не смею: такая тишина, смерть позавидует. Ти-ши-на-а-а!

Беззвучно, не нарушая покоя поля, пролью слезы! И пусть уродует лицо эта кислота, брызжащая из утомленных глаз, пусть она выплескивается! Душа. Она немотствует, она должна быть высушена, так надо, так легче. Потом нельзя плакать. Тебе не нужно, потом слезам будет поздно, потом они излишни, ничемны! Сейчас, только сейчас и только мне одной нести свое детище терзаний. Лейтесь, милые слёзоньки, успокойте чувства. Они успокоятся, я знаю это мгновение! Оно прекрасно! Незабываемо!

Родная, ты многое поймешь, прочитав от корки до корки эту потрепанную тетрадь пережитых чувств, пройдя по всем коридорам моих дней, заглянув во все двери и окна моей судьбы... Поймешь и может быть не осудишь за содеянное?!

Читай! Для тебя я исписала эти страницы, одну за одной, с таким усердием, какого у меня не было ни в чем и никогда за всю мою перекошенную жизнь. Я верю только тебе, в тебя, в твое сердце! Других не осталось...

Ругай, кровинушка, бей словом испепеленное мое бытие... Твоё право! Оно дано тебе при рождении, как и всё, что сумела, успела я дать. И мой дневник – твой, владей и властвуй над всем тем, что испило меня. Не пускай всё это зло в свои хоромы. Подчини их себе и уничтожь!

Девочка моя, какая же ты еще чистая, неоскверненная... Не смейся, прошу, ты еще не знаешь правду человеческую, как ты еще божественно юна! Храни себя, береги и берегись, пока всё не стало как у всех, а один человек, кто-то самый дорогой, не стал всем. Доченька, много лет пройдет, прежде чем такая чистота появится в новом...

Женщина очнулась от нестерпимого холода. Трезвость мыслей возвращалась к ней, и становилось всё-таки тревожно за то, что называется Жизнь. Да и за пазухой как будто ожила, зашуршала тетрадь-исповедь, осуждая за нахлынувшее безрассудство. Ведь ее жизнь давно была уже не только ее. Она не принадлежала самой себе, давно разменяла себя на мать и дочь. Она – это они, это мы.

Господу помолимся

Утро началось с тревожной мысли. Она была невнятной, на какое-то время исчезала, а затем вновь возникала, но не набирала силу. Непонятное томление души и призрачность мысли преследовали Леру весь день.

Погас свет. В доме стало сумрачно, холодно и неудобно. Правда неудобно было и при свете. Может быть даже ещё неудобнее: видеть окружающую действительность больнее, чем просто ощущать её своим нутром.

Бороться который день подряд с собой Лерка устала. Она не ожидала, что жизнь может стать ненавистной, смерть - нелепой, мечта лишь несбывшейся мечтою, а любовь - ничто, когда она одинока. Дни обернулись чёрными птицами, заслонившими мир добра и покоя - самый прекрасный на земле, исключительный мир. Но всё это Лерка осознала только теперь, в борьбе с воспоминаниями солнечных дней, не оценённых в то время, не одного года давности.

Слёзы бежали по щекам, шее, капали, но тихо, как будто даже они боялись спугнуть наконец-то состоявшийся разговор с alter ego, Я-Лерой, честной перед людьми и искренней для себя. Правда, какая она?! Лерка долго тепила своё сердце, уговаривала саму себя, что это не та правда, не то болото, поглотившее её день и ночь, сон и явь.

Нахлынуло раскаяние за сиюминутные лжинки, нелепости, непонимание и недоверие. Молчание стало невыносимым, и занавес дня раззадорил выплеснуть всю хандру многих лет, разоружить врагов своего счастья. Всё должно было решиться теперь, ведь не осталось путей для отступления. «Я решу всё здесь, сейчас и... навсегда!» - совершенно спокойно проговорила Лерка, достала маленький засаленный узелок, переданный ей еще в детстве прабабушкой, и задумалась над словами, сказанными, как казалось тогда, очень таинственно, в виде присказки и многозначительно. Только теперь она достаточно серьезно восприняла наказ умудренного жизнью, светлого в своих побуждениях, намерениях, очень набожного и проникновенного человека.

... «В деревне в это время поют петухи», - подумала Лерка с таким сожалением и досадой, затушила догорающую свечу, еще раз долго и многозначительно посмотрела на образ Николая Чудотворца и легла спать. «Господи, помилуй!», - прошептала она, и сон заискрился в утомленных глазах, принялся разглаживать морщинки на лице от душещипаний. Он был послан свыше, такой живитель-

ный, воодушевляющий, несущий тепло в распознанный мир. Теперь Лерка знала, что когда проснется, всё будет иначе. Мир новых грёз принял ее в свои объятия, облагораживая и не впуская больше одиночество.

Через несколько дней бодрая и веселая Лерка спешила в деревню к сестре, уже распланировав каждый день своего отпуска. И солнце покойно смотрело с высоты, и птицы пели, и ветер играл кудрями на гордо поднятой голове.

КРУГОВОРОТ

Как закружится листва,
Зазвенят колокола,
Птиц далекий будет крик,
То осенний мчится миг.

А за осенью зима.
Снова бьют в колокола.
Благо внемлет торжество,
Правит сердцем Рождество!

После праздника души,
И застолья хороши!
Возле жаркого огня,
От домов мороз гоня.

Отогнав на полверсты,
Нам весны видны персты.
И ручей уже журчит,
Солнце радостно блестит.

А к весне сестра спешит:
Лето нас уже манит.
Раздавая щедро ласки,
И на лица счастья маски.

Кто вздохнул, кто не успел,
Только год уж пролетел.
Во дворах опять листва,
Вся огнем охвачена.

Так занялся новый круг,

Вновь усталость плеч и рук?!
Время года не стареет,
Значит, нас не пожалеет...

КРИВАЯ СУДЕБ

Счастье, что светотень
Кружит, тихо тая.
Горечи полынь,
Да слезок стая.

Чужое – не твое,
А вечность одинокая
Совет гнездо свое.
Родится мысль глубокая.

Лишь в суете зажить,
Найти упокоение.
Себя первой любить
И верить в вдохновение.

Не сами ли кудесники?!
Творить не в грех добро.
Все разные ровесники,
Всем разное начерчено.

* * *

Не воспевай красоту карих глаз,
В них только хина твоих фраз.
Губ не сберег, а обжег аромат.
В них омертвевших речей клад.
Рук белизну, мягкость их потерял,
В этих объятьях ты крепко бы спал.
Не обнимай за холодный стан,
Чувствуй же блага, ты свой диван.
И не зови даже, слышишь, во сне.
Сладость ответа не жди, я на дне.
Я в бреду: дно во мне, я на дне.
Я... на дне!

Осколки удачи

Никогда еще Вера не выглядела так скверно, как сегодня. Не в плане внешнего вида, с одеждой у нее всегда было всё на достаточно высоком уровне, да и разнообразию причесок завидовали многие коллеги-кокетки. Она старалась всегда и во всем быть безукоризненной. Ее можно было считать не просто примером для подражания, а неким достоянием всей фирмы, небольшой, но перспективной и успешно развивающейся. Манера общения Веры каждый раз удивляла руководство, уверовавшее в нее как в талисман удачи деловых переговоров. Она была чертовски привлекательна не по годам и интересна как человек немалого ума и творческого потенциала.

Сегодня, уже на проходной, Веру встретили настороженно, поприветствовали и тактично промолчали, с трудом удерживая вопрошающие взгляды и речи. Потом тихий шепоток добежал до кабинетов, растворился в воздухе и опустился тревогой на сотрудников фирмы, даже частенько завидовавшая Катька (в прошлом близкая подруга и ныне просто коллеги), потеряла дар речи, сочувственно посмотрела на как будто обескровленную Веру, изможденную и потухшую. Это была не Вера, это был другой человек, внешне только напоминавший ее.

В обед Веру вызвали к директору. Владимир Алексеевич, не смотря на свой почтенный возраст и умудренность закоренелого руководителя, долго собирался с мыслями, всё как-то рассеянно откашливался, потирал смущенно руками, зачем-то заговорил о погоде, хотя любые изменения в климате воспринимал радушно, и наконец-то спросил: «Вера Ивановна, Вам бы в отпуск... Отдохнуть немного, развеяться?!» Вера молчала, безразлично пожимая плечами. Искренне обеспокоенным голосом директор продолжил мысль: «Фирма оплатит все расходы... Верочка, Вы не стесняйтесь, может обследование какое или путевку в санаторий? Устали Вы, понимаем, всё понимаем...» Вера потупила глаза, полные слез, и дрогнувшим, глухим и безрадостным голосом проронила: «Спасибо... за отпуск! Мне недели хватит». По спине Владимира Алексеевича пробежал холодок. Он смотрел на Веру, и сердце сжималось: одна из немногих в коллективе Вера жила делами фирмы, волновалась за все недочеты, недоработки в делах, завоевывая вершины. А теперь, в одно мгновение, жизнь сорвалась с рельс удачи, покатилась в пропасть безразличия и глубокой душевной тоски.

Событие покорило всех, даже можно сказать напугало. Никак не могли понять: что случилось у успешной бизнес-леди, люби-

мой супруги, верной и отзывчивой подружки?! Не понимали, но и понять боялись. А вдруг...

Домой Вера приехала за полночь. Георгий – муж Веры, с обеда безуспешно дозванивавшийся до жены, уже с трудом отгонял от себя плохую мысль. Он чуть не заплакал от счастья, увидев очень уставшую, еле стоящую на ногах, промокшую, в каком-то бреду, но живую, его Веру. Супруга посмотрела в непогожие от волнения глаза, такие серые, какими казались сейчас все предметы вокруг, но только они – эти глаза, такие родные за десять лет совместной жизни, еще излучали тепло, подбадривали, вселяли надежду, которой, на самом деле, не могло быть, и не было в действительности.

Вера почувствовала, как дома хорошо: спокойно и уютно. Уткнулась в плечо Георгия, долго молчала, потом встревожено спросила: «Гоша, ты меня любишь?» Он улыбнулся. Она не видела его лица, но почувствовала, задумалась и не услышала ответа, но знала его наперед. Любовь еще кружила им головы, сердца вдохновлялись в супружеских объятиях. Часто завидовали им за стойкость чувств.

К концу недели у Веры начались метастазы. Диагноз, поставленный 7 лет назад, был страшен: рак головного мозга. Она скрывала до последнего эту тайну от всех, даже Георгий не подозревал, что его милая спешила жить, любить и «приручать» удачу.

В дребезги разлетелось всё, что создавалось бессонными ночами, трудоёмкими днями, чередой кропотливых лет. Вера превратилась в растение за месяц полуобморочной больничной жизни, 5 месяцев домашнего пребывания, наполненного слез близких людей, криков адской боли, усмиряемой на время наркотиками, невменяемости и, наконец, 2 месяца совершенного бессознания. То была не жизнь и не смерть, тому не было имени...

За несколько часов до смерти Вера пришла в себя. Ум был ясен, на лице появилось подобие румянца. Она позвала всех к себе и сказала последнее в своей жизни: «Главным всегда было знать, что вы есть у меня!»

Всю ночь и весь последующий день лил дождь.

Можно сильно устать от забот и проблем,
От непрошенных мыслей, съедающих сердце,
Утомиться от злобы, сомнений, дилемм.
И укрыться в тени, став до времени старцем..

Но проклюнется лучик сквозь картонное небо,
Улыбаясь, шепнет, теплотою обьяв:
«Это я, нежный ангел, потерялись мы где-то», -
Открываю глаза, это сон или явь?

Это просто душа породнилась с душою
Это словно часы завелись и пошли.
Два иссохших ручья снова стали рекою,
Две петляли дорожки, и друг дружку нашли...

В пестроте, в проплывающих буднях
И в подтеках весны поутру.
Я в черты твои, словно в раздумья,
Погружаюсь как в сон наяву.

Все, что не случилось,
Вспомнится потом.
Ты со мной молилась,
В голос, шепотом..

Водными кругами
У судьбы судьба.
С теплыми руками
Ты ко мне пришла.

И от сердца к сердцу
Мотылек слетел,
Жить с закрытой дверцей
Он не захотел.

Толи так сложилось,
Толи суждено,
К ночи расцветилось
Пыльное окно.

Еле слышным вздохом
Вскрыло тишину,
Нараставшим эхом
Изменив судьбу...

Все, что не случилось,
Вспомнится потом.
Ты со мной молилась,
В голос, шепотом..

Ждать, - причуда не из легких,
Разрушая, - созидать.
Зиму выдохнув из легких,
Жизнь встречей оправдать.

От удушья до восторга,
От мольбы до куража,
Нити чувств петляют долго
Всякий раз, едва дыша,

Оставались после встречи
Мы минутной, часовой.
Не придумывались речи,
Не придуманной судьбой...

Ты, верно, - город; я, понятно, - житель.
Столько лиц промелькнет за строку.
Я с надеждой живу, вспоминая обитель,
Пред которой навеки в неоплатном долгу.

О, как не навредить бредущим пешеходам,
Сбежав из плена лет к заветным маякам.
Процент душевных мук, в сравнение с прошлым годом,
Всерьез не пострадал, лишь в мае рос слегка...

Что спорить с суетой? Та врет и не краснеет.
Причуды прошлых лет честнее во сто крат.
Под ливневым дождем, на плиточной аллее,
Расскажет про меня под утро летний сад.

Ворвусь в погожий день в прохладу Универа.
С порога стану лгать, что жил шутя, без бед.
Наверно промолчишь, во всем Ты знаешь меру,
Чем более мы врозь, тем значимей твой след..

Ты, верно, - город; я, понятно, - житель.

КРАСОТА

Начало 60-х годов. Июльский день. Пляж на левом берегу Туры возле нового моста в Тюмени. Солнце, утомившееся от длинного рабочего дня у же клонилось к вечеру. Но народ на теплом песочке еще был. Был там и я. С облупившимся носом, в сатиновых трусах, в обществе приятелей Корчи и Демьяна. И в том возрасте, когда при виде симпатичной девчонки начинаешь испытывать смущенное волнение и даже почему-то страх.

От долгого купания подвело живот, а от молодого волчьего голода даже немного кружилась голова. Но мы не уходили, подсознательно чувствуя, что таких счастливых, солнечных и беззаботных дней у нас впереди не так много. И надо брать от жизни все, как теперь говорят, правда, имея ввиду несколько иные ценности. Оказалось, что затормозились мы не зря.

Они прошли мимо нас. Обычные заречные жительницы в простеньких ситцевых платьях. Немолодая худощавая женщина, по виду похожая на уборщицу с фанерокомбината и молодая девушка лет 17-ти - 18-ти, которая шла ровной и плавной походкой, высоко и даже гордо держа голову. Ну, прошли и прошли. Мало что ли их ходит. Однако через какое то время наметилось центростремительное движение. В основном среди мужского населения пляжа. Парни, мужчины молодые и не очень, даже пацаны вроде нас, образовали круг, будто притянутые магнитом. Но это был не магнит. А что? Вот и я думаю - что? При всей полноте и выразительности русского языка иногда трудно и даже невозможно описать некоторые явления. Нужен какой-то особенный талант, которым я не обладаю. Но попробую, чтобы не кануло в Лету это, невеликое на первый взгляд, чудо.

В середине мужского кольца стояла Афродита. Без всякого преувеличения. Надо сказать, что в последующей взрослой жизни я не был обойден вниманием женщин, подчас самых красивых в моем окружении, но возможно, даже с облегчением замечу, что не довелось мне видеть такого совершенства! Разве что в искусстве. Но ведь искусство не жизнь.

Она стояла на серебряном песке под золотым солнцем в плебейских розовых трусиках и нелепом грубом белом лифчике. Однако это не только не портило, а даже подчеркивало ее олимпийскую красоту. Из подсознания всплывали и вспыхивали картины не то античных, не то древнеславянских языческих времен, когда по моему разумению красота была религией, в особенности женская, и люди поклонялись ей, а не золоту и, может быть, отчасти, поэтому дожили до наших дней. Она стояла, как статуя в Эрмитаже, но живая статуя, сияя, ослепляя и наводя тоску своей близостью и вместе с тем недоступностью. Ее атласная кожа, по меткому народному выражению – кровь с молоком, своей нежностью, более подходящая младенцу, в соединении с классическими формами ее ног, бедер, плеч и груди вызывала у иных неконтролируемую эрекцию, вынуждавшую их скрестить руки ниже пояса. Я не вру. Скульптурные объемы ее фигуры, словно созданные из утренних розовеющих облаков, наполненные изнутри нестерпимой для мужских глаз женской плотью и в то же время воздушно легкие, вызывали почти непреодолимое, даже может быть животное, безумное желание. И все созерцали их в молчаливом оцепенении.

Это не поддающееся описанию тело венчала голова на высокой беломраморной шее. Густые слегка вьющиеся волосы были заплетены в косу, перекинутую на грудь. Лик сей Авроры с румянцем во всю щеку, ярко розовыми губами, со славянским, слегка вздернутым носом и серыми в пол лица очами в пушистых ресницах достойно завершал идеальный образ.

Однако в глазах чаровницы не было ни радости, ни покоя, а плескалось смятение, переходящее в ужас. Эта земная небожительница, не-видимому, простая девушка, пришедшая с мамой на пляж, чтобы искупаться и понежится на вечернем солнышке, вдруг попала в неожиданную и даже угрожающую ситуацию. Чтобы уйти от этих жадных и страстных взглядов она погрузилась в прохладные и, в те времена, еще сравнительно чистые воды Туры. Но когда она вышла как богиня из пены морской, чья-то рука бросила в нее ком грязи...

Как говорится – комментарии излишни. Хотя, в этом гнусном поступке есть логика. Человек вообще стремится к идеалу, но, будучи несовершенным, не в силах его достичь, и, как бы мстя Богу, разрушает идеал. Черная грязь на влажном сверкающем теле, розовые пошлые трусики с просвечивающим темным мыском, унижение и испуг красавицы вернули пляжную толпу в обыденную реальность. И толпа решила, что перед ней всего на всего лупоглазая тюменская телка, глупая и толстая. Боюсь, и сама Наяда подумала так же. Вероятно, в свое время она выйдет замуж за лихого молодца, который, поначалу любя, станет ревновать ее, а потом пить, а может и бить. И в считанные годы погибнет совершенство. Обычная история.

А у меня при воспоминании о ненаглядной красоте темнеет в глазах и встает вопрос – для чего, вернее для кого Бог создал чудо, известное миру как бренд – «Русская красавица»? Для пьющих российских мужичков? Для американских старых холостяков, или комплектования заграничных стрипклубов и борделей?

Впрочем, возможны исключения... Мне хочется верить, что та Царевна-Лебедь все же встретила своего князя.

ЛЮБКА

У неё были большие, уходящие к вискам зеленые глаза, с гипнотическими зрачками, античный нос со спрямленной переносицей. Пышную прическу стягивал серебряный обруч, делавший ее похожей на марсианку. Хотя, как известно, никаких марсианок не существует. Но мне так казалось в те мои 16 лет. Среднего роста, с гибкой фигурой, с округлыми и упругими, как гуттаперчевый мяч формами, тронутыми персиковым загаром. Такой я увидел её в первый раз на турбазе, где предавался летнему отдыху под медно-золотыми соснами на берегу прохладного озера с кувшинками и русалками.

Она только что окончила школу и готовилась поступать в институт. А пока в обществе подруги, тоже очень красивой, но другой земной красой, набиралась сил перед экзаменами. Мне же нужно было ещё доучиваться. И хотя я выглядел вполне оформившимся юношей, по сути был мальчишкой в сравнении с этой юной женщиной.

Влюбленность накатывала волнами, которые, следуя одна за другой, были все выше и опасней. Мир изменился. И небо, и луг и река за лугом, и озеро, в котором я безуспешно пытался остудить любовный жар, наполнились несказанной тайной и томительной

красотой. Разумеется, я и не помышлял о том, чтобы заявить о своих чувствах. И, когда она случайно встречалась со мной взглядом, то еще одна стрела амура пронзала мое плененное сердце. Женским инстинктом она угадывала мое состояние, но не принимала меня всерьез...

Как-то зимой вечерком я шел по центральной улице и вдруг услышал: «Здравствуй, Боря!» В неверном свете явилась она, как бы с Марса, глядя на меня своими гипнотизирующими глазами. А я был уже не тот, что год назад. В юности взрослеют быстро. Я уже каждый день гладил брюки, покупал уцененные пиджаки и галстуки, перешивал и подгонял их под определенный стиль. Носил в кармане бархотку, которой полировал девятирублевые туфли так, что они выглядели как за 35 рублей. Словом, я превратился в этакого дэнди и уже привлекал к себе внимание школьных прелестниц, хотя относился к этому весьма сдержанно. Однако сейчас сердце в груди моей перевернулось, как посоленное свежее яичко.

«Я видела твои рисунки на выставке, и они мне очень понравились. Ты прямо талант!» Лесть любят все. Мне снова грозил плен, но теперь я стал хозяином положения. Хотя она была студенткой, а я все еще старшеклассником. Неожиданная встреча, как подарок небес. Я мог сколько угодно смотреть на нее, не отводя смущенного взгляда. Нести всякий вздор и чепуху, не заботясь о своем имидже, наслаждаясь ее искренним смехом. Пока только смехом.

Разумеется, после дело дошло до поцелуев у ворот под мерцающими зимними звездами. Но отнюдь не сразу. Времена были тогда еще весьма целомудренные, и преодолеть стойкую оборону было не просто, зато потом горячие поцелуи и жаркие объятия продолжались до самого лета. Однако всему есть свой срок.

Я окончил одиннадцатый класс и буквально через месяц должен был уходить в армию, в погранвойска. Это был медовый месяц. Молодой июнь. Старинный город, утопающий в яблоневом цвету и сирени. Моя марсианка в полном расцвете своей нездешней красоты, да и я вполне ей соответствовал. Неудивительно, что мы потеряли контроль над своими чувствами и зашли дальше, чем было можно. Последнюю ночь перед расставанием мы провели на берегу Туры у костра. А на следующий день она меня провожала на вокзал и плакала навзрыд.

Служба моя оказалась весьма суровой, даже для меня, сибирского валенка, привычного к морозам. И, когда меня среди ночи поднимали в наряд, я не сразу приходил в себя, так как все еще обнимался и целовался со своей Любкой. Гремело на крыше железо

под свирепым маньчжурским ветром, и нужно было идти в немирную кромешную тьму на многие часы. Но со мной была моя Любь.

Через полгода я получил от друга послание, в котором он меня извещал, что неоднократно видел Любу под руку с мужчиной, и что близость их отношений не вызывала сомнения. Мне стало ясно почему я не получал ответа на свои последние письма. Не раздумывая я взял ее фотографию и, расстреляв из своего автомата, отослал в далекую Тюмень...

Прошло 20 лет. Однажды на адрес Союза художников пришел конверт на мое имя. Он был от Любки, вернее от Любови Федоровны. В своем письме она сообщала, что вышла замуж за того человека, и они уехали в Прибалтику, где она и живет. Муж носил ее на руках и предупреждал все желания. У них родилась дочь, и жизнь была почти райская. Но муж недавно умер, и она вспомнила обо мне. Вернее она никогда и не забывала. Спрашивала, как сложилась моя судьба, и если плохо, то чтобы я приезжал к ней. У нее прекрасная квартира, и что сама она, по словам окружающих, прекрасно выглядит. Я не ответил...

Прошло еще 15 лет. Я издал альбом с репродукциями своих произведений под названием «Тюмень уходящая», посвященный старому городу. Среди прочих в нем помещена работа, на которой изображен двухэтажный бревенчатый дом после пожара. Обугленный черный скелет на фоне свежего белого снега. Однако огонь почему-то пощадил правую сторону первого этажа с двумя окнами, закрытыми голубыми ставнями. За ними когда-то и жила моя красавица. Картина называется «Любкин дом». Он до сих пор стоит на улице Орловской, что на Городище.

А мне на память приходят слова из незамысловатой солдатской песни, которую громко и с чувством исполнял, аккомпанируя себе на баяне, подобный мне новобранец, в воинском эшелоне, который вез нас одиннадцать суток на Дальневосточную границу.

«Стук монотонный колес

Будет нам петь до зари

Песню утраченных грёз,

Песню о первой любви».

В жизни нет романтики, но она есть в юности.

ТИХО НА ГРАНИЦЕ

Я шел в первой шеренге роты сопровождения за военным грузовиком, в кузове которого стоял красный гроб с убитым молодым пограничником. Тело его сильно распухло и едва помещалось в гимнастерке, на которой уже проступали темные пятна. Волной плыл удущивый трупный запах. Объяснялось это тем, что в течение пяти суток ждали его родителей. И хотя гроб стоял в прохладном клубе, июльская жара сделала свое дело.

Так и не дождавшись родных, покойного решили хоронить. Под траурный марш колонна выступила к сопке Замогильной, где погребали павших. Мне было 19 лет, и я второй год из положенных трех служил на славном Хасане. Погибшего я знал и никак не мог принять его смерть.

Уже на подходе к кладбищу навстречу процессии из-за поворота со стороны станции вылетел газик начальника отряда и, не доезжая метров двадцати, затормозил. Открылась дверца и из нее буквально выпала седая, грузная женщина – мать убитого, в сбившемся на спину платке, в ватнике и сапогах – обычном наряде жительниц северных деревень. И, не поднимаясь, на коленях поползла навстречу сыну. Колонна встала. Выскочившие из газика, офицеры поднимали ее, но она снова падала и с каким-то волчьим воем продолжала ползти.

Ее вознесли к гробу, и она легла, а вернее пала на своего неузнаваемого ребенка. Настала минута молчания... Вдруг она подняла голову и повела вокруг взглядом, от которого у меня прошел мороз по спине. Потом с усилием приподняла свое изработанное крестьянское тело и склонилась над трупом. Долго смотрела на него, отгоняя рукой назойливых мух. И вдруг в мертвом воздухе прозвучали страшные слова: «Сынок мой! Сыночек! Мое солнышко! Ты взонло на Западе, а закатилось на Востоке. Не верю!»

Поразительная лаконичная эпитафия, в которой была выражена вся боль, и все горе этой русской матери. Ее дитя, ее счастье, ее солнышко, рожденное и взошедшее в далекой Западной Сибири, навеки закатилось на Дальнем Востоке и погребено в каменистой сопке Замогильной.

Это было в 1968 году. С тех пор прошло сорок лет и все забыто.

Слава героям!

Виталий Огородников

Ярко в Ярково,
Марко в Марково,
Сладко в Сладково.
Кругло в Круглово,
Удало в Удалово
Бело в Белово

Русо в Русаково,
Мало в Мальково,
Больше в Большаково.
Смирно в Смирново
Клёво в Киёво
Снова и снова...

Ярко в Ярково,
Марко в Марково,
Сладко в Сладково.

Тихо в Скрипуново.

ФОТОАППАРАТ

Роман со звёздами завёл.
Бегом, на цыпочках, вприсядку...
Ловил момент, взводил затвор
И хлопал, как всегда в десятку!

Всё разглядев, всех охватив,
Объял героев розно, слитно.

Ох, и прожорлив объектив –
Глогает взгляды не-на-сыт-но...

Вот шторы снова взведены,
И темноты объятья липки,
А через чашу призм видны
Живые, добрые улыбки.

И звёздный свет себе течёт,
Как ерунда на постном масле.
Давно потерян звёздам счёт,
И многие, увы, погасли.

КУКЛЕ ПЛАТЬИШКО МАЛО

Жмут заплатки,
И ничуть не подросло.
Что за платье?

Продаётся же теперь
Всё и даже
Дождик, грозы и капель –
Распродажа.

Кто-то вырвал первый пай
Для затравки...
И... хоть свалки покупай,
Хоть заправки.

Кукле хочется чудес
И диковин.
А сегодня общий лес
Дяди Колин.

Даже пруд, и тот сопрут,
Так помашем.
До свиданья – этот пруд
Тёти Машин.

И туман чужой. Хоть хмур,
Но укутал.
Жаль – монеток и купюр
Нет у кукол.

Ах ты, глупая, не хнычь,
Бедолага -
Деньги можно и настричь.
Есть бумага!

Раздадим как настрижём
Всем бесплатно.
Только в городе чужом
Как без платья?

И за речку, и за бор
Мы заплатим,
За забор и за бугор...
И за платьем.

Даже небо с молотка.
Вот так купля,
Но не проданы пока
Я да кукла.

ЩЕГОЛЁК

Я от плотницких затей был далёк,
Я лишь мыльные пускал пузыри.
- Подарю-ка я тебе щеголёк.
- Отчего не подарить? Подари.

Что за каверза такая? Щегол?
- Сам ты птица. Насмешил. Ха-ха-ха.
Он без пёрышка единого. Гол.
И отлично подойдёт для стиха.

- Деревянный? - Так. Уже горячо!
- Музыкальный инструмент? - Перебор.
В нём поют хоры боров и ещё...
Стойки арии дубрав. - Не забор?

- Издеваешься? - А может, продашь?
- Отгадай, да забирай просто так.
Он малюсенький такой. - Карандаш?
- Обижаешь, чуть поболе. - Верстак?

- Чуть помене. – А ты спой мне о нём:
«Мы ру-би-ли с ним до-ма-а...» – Я не псих.
- Шутишь здорово, а может, махнём?
- А на что его махнёшь? – Да на стих.

- Вот работунка твоя без заноз.
Лучше я тебе спою: «Как я зо-о-л...»
- Мой пузырь тебе садится на нос.
- Тыфу ты, точно. Сколько мыла извёл.

- Ты меня в такие дебри увлёл...
- Я всегда тебя готов подурить.
- Напишу-ка стих про твой щеголёк.
- Что бы мне тебе ещё подарить?

СОЛНЦЕ ПРЫГНУЛО НА ЧЕРДАК

Подрумянено, долгожданно
 В нём дыхание Жанны д' Арк,
 В нём мальчишеский пыл Джордано.

Всех влюблённых, любимых – жар,
 Все фантазии, грёзы, чуда...
 Уместились в небесный шар –
 Им удобней чудить оттуда.

Шар огромен и величав,
 А сплочённее и теплее,
 Потому что в его лучах
 Взгляд Есенина, Галилея...

Только им не забыт никто,
 В солнце живо и жест, и слово.
 В нём частица Буше, Ватто,
 Рафаэля, Коро, Брюллова.

Вот и ты, излучай, свети,
 Хоть мигни в этом мире смутном,
 Чтобы было чему взойти
 Завтра
 утром.

МОСКОВСКАЯ, 6

Небо к осени высохло – гнутая, звонкая цепка.
Занавески на лужах осенних задержались льдом.
Ржавый гвоздь в эту улицу впился надёжно и крепко.
Я пройду по Тюменской Москве, я потрогаю дом.

Я пройду по тропинкам, в которых таятся секреты –
Битых чайников, блюдец и кружек цветастый фарфор,
Крылья крыши перекрашены осенью, нежно согреты,
Я пройду по Московской Тюмени, потрогаю двор.

Задыхаясь, выводит мотив граммофон водокачки,
Здравствуй, маленький остров далёких находок-потерь,
Я железную песню ворот растолкаю от спячки –
Разбуду колыбельную кованых дедом петель.

Цепь-ворчунья замолкла – мертва без собачьего лая.
Клички всех своих псов позабыла и каждый их клык.
Двор, как в блёстках, в слезах из серебряных глаз
Николая,
Что навеки в червонец вчеканил свой царственный лик.

ТОРОПИТЬСЯ, ВЕДЬ ХОТЬ НА МИГ ОПОЗДАВ

Торопись, ведь хоть на миг опоздав
Перепутаешь пути навсегда.
Так и будешь на чужих поездах
Колесить. И колесить не туда.

Поезда всегда привозят домой,
В крайнем случае, в депо завезут,
Тянет их в покои, в ветошь, в мазут.
Поезда. Да, все такие, а мой...

В тупиках и не ищите его,
Он летит совсем без отдыха, без...
Без вагонов, без себя, без всего.
Мой единственный, надёжный экспресс.

Ну и правильно и шпарь себе, шпарь.
Мимо луж вокзальных, смеха и слёз,
Хоть не стало ни платформ, ни колёс

Хоть и рельсы изнашивались до шпал,
Хоть и не было их вовсе
тех шпал.

ТОРГОВЫЙ ЛЮД

Ты – коммерческий люд,
Я – купеческий люд,
Мы презрели уют,
К нам морозы не льнут.

В нас терпения пуд,

Хоть нелёгко наш труд,
Но карман также худ,
То налогом припрут –
По три шкуры дерут.

А уж если дебют,
Так и вовсе добыют.

Тут тебе не до блюд –
Кофейка не нальют.
Всё ломают да гнут,
А когда very good?

Может, нрав у нас крут –
Каждый шумен как шут.
Жизни порван батут.

Без кредитов и ссуд
Не житьё – Страшный суд
Среди нас нет зануд –
Это просто профзуд.

Вот бы в отпуск на зюйд,
Не везёт – не везут.
А куранты всё бьют,
Только где он – салют?

А торговый наш люд
Он бывает и лют...

С днём рождения, Люд.
Только в термосе – лёд.

ЗА МОЛНИЯМИ БЕГАЮ, ОХ ПЫЛКИ

За молниями бегаю, ох пылки,
Катаю в небе грома валуны,
И рыжих звёзд колючие опилки,
Смахну с пилы, очистив срез луны.

По мокрым тучам я на землю слезу,
От слёз рассвета горизонт подсох,
И только слышно как течёт по срезу
Ручей бессмертья – терпкий лунный сок.

МАРИНА

С меня стекало море – корабли,
Шаланды, шлюпки, шляпки, боты, лодки,
И якорями яростно скребли,
Смеюсь, конечно – я боюсь щекотки.

Вот так потеха – до бесстыдства гол,
В объятых осьминогов голопузых,
В щепе пирог, ладей, челнов, гондол,
Весь в мидиях, рапанах и медузах.

Морские свиньи, зайцы и коньки,
Как брата, как родного облепили,
А кашалот, стекая со щеки,
Обдал фонтаном водянистой пыли.

Запутались теченья, полюса,
У ветра выворачивало скулы,
С меня стекало море – паруса,
Дельфины, сети, тросы и акулы,

Марлин знакомый, с мордой как весло,
И камбала, и (что совсем некстати)
Меня не хуже молнии трясло,
Когда по коже скатывались скаты.

Да я и сам как море наяву,
На мне горит закат – морозен, сочен

И солнце – пышный, краснощёкий сочень –
Уж лучше снова в море и... плыву!

МИЛЫЙ СЕРДЦУ УТРЕННИЙ МОРОЗЕЦ

Милый сердцу утренний морозец

Вот картина полная тоски –
Лебеда, свинья и «Запорожец»,
В кузне скулы стиснули тиски.

Где вы, тётя Маши, дядя Вани?
Лишь крапивы огненная медь,
Пауки скользят по наковальне –
Знают, что тут некому огреть.

Неуютно, холодно и грустно,
Тучи сыплют блёстками из сит,
И луна – забытая игрушка –
Над забытой улицей висит.

Время – отраженье битых стёкол,
Словно плач в бору из трёх сосён.
Под крыльцом живёт подбитый сокол.
Храм разграблен, клуб и тот – снесён.

Бедный двор навеки запорошен,
Но скребётся по грязи прогресс?
Лебеда, свинья и «Запорожец»,
Резеда, кабан и «Мерседес».

Колья. Комья.
Молим.
Больно.
Топно ложь срывать от губ
Правда вырвется. Забрызжет
Только я давно бесстыжий
Я пойму, что каплет с крыши
Оботрись и убегу.

* * *

Вкратце подслушанные разговоры
Не приносят нового ни капельки
Я читал это все на зеленом заборе
Давным – давно, когда был маленьким

И кофе не пил, и от сигарет отворачивался
Заветной мечтой был складной ножик
Ох, как бы я славно с ним подурачился
Не было у меня ножика, ну так, что же.

* * *

Расхлебосолен дом
Жую загадки
Из ящика стола то там, то тут
На сахар наступил.
До жути гадко,
А говорят он сладкий.
Значит врут.

Сними с моей постели эти крошки
Их невозможно будет переспать

Но только подходи к ним осторожно
А то они обидятся опять

Такая кроха камнем по спине
Пройдетесь и синюшный след оставит
И вот пойми , с кем рядом был во сне
И почему проснулся обезглавлен

* * *

Мне бы спрятаться на месяц
Запереться в гущу леса
Чтобы только мох да шишки
Стены – сосны, крыша – хвоя.
Никого
Лишь мы с тобою
Я и память

* * *

Раствориться в незабудках
Все забыть чтоб даже сны
Не напоминали буден
Блудом пахнувшей весны.

* * *

Тень струится по асфальту
Брошенный окурок тлеет
И банты от детских платьев
Ветер молча каруселит

Во дворе сутулят плечи
Тополя от боли корчась
Бог не дал им дара речи
И они страдают молча

* * *

Мне бы спрятаться на месяц
Запереться в гущу леса
Чтобы только мох да шишки
Стены – сосны, крыша – хвоя.
Никого
Лишь мы с тобою
Я и память

* * *

Город запекшихся снов на небритой щеке
Город сытых собак и невиданных крыс
Перебитых зеркал Исковерканных лиц
Почерневших больниц
Постаревших актрис
И опять бенефис в драмтеатре
На политической карте
Гринпис

* * *

Это наш выпивающий батюшка.
Оловянное блюдо с копеечкой
И ромашки вокруг иконки
На полу шелуха от семечек

Половицы по прошлогоднему
Только скрипнут и станет вдруг весело
Паутинка с распятия модного
На немодное нехотя свесилась

Даже гнус не летает а падает
Опьяненный дыханием ладана
Пламя свечек танцует нас радует
Вроде все происходит как надо.

ПЕСЕНКА

Свет мой зеркальце скажи
Будешь мучить ты доколе?
Я над пропастью во лжи
Возлежал и выл от боли

На ресницах у меня
След оставит Златовласка.
Затянулась на три дня
У меня про репку сказка

Гранулированный чай
Гранулированный хохот
Растворимая печаль
Перемолотая похоть

* * *

За звездой с хвостом лиловым
Суетливо тени кружат
Блинчики с росой сосновой
Подавались нам на ужин

И сухарики из кедра
И березовый напиток
Хорошо прохладой ветра
Утереться пред молитвой

* * *

Заплачут деревья и что ж
Им не месить ноябрьской гущи
И не тестировать на ложь
Бездарных, гордых, неимущих...

Осточертели голоса
И в этом будущность России
Когда лукавые глаза
Не жаждут, чтобы их простили.

* * *

Я присяду, немного устал
А еще предстоит ночью битва
И припомню слова Христа :
«Род сей гнать лишь постом да молитвой»

* * *

Писать. Писать
Чтоб выжать до остатка
Все, что еще осталось от мрака
От грязи, от безумств
От знака рака
И от сомнений свойственных так мне
И от сомнений свойственных так мне
Сижусь. Пишу. Дышу
Минует полночь
Я истощен раздавлен обречен
И новой сигареты едкий дым
Мне говорит о том,
Что смерть меня отвергла

* * *

Мольберты и старые заклинанья
Молодость не распознана и позабыта
Детство погрязло в домашних заданиях
Злая игра и в ней нет победителя

Стоптаны тапочки и бесхозно валяются
Пыль оседает и следов не предвидится
Все-таки жду может кто- то появится
Богородица от бед избавительница

Как же собрать себя по частям
Где разбросался, порастерялся
То там, то тут, то тут, то там
Возникал,
Пропадал
Исчезал
Появлялся
Ночь как избавление от кошмара
Но припрутся мысли терзать мою голову
Да я бы вышел и отдал себя даром
Кто не побрезгует взять меня голого?
Эй, покупайте себе властелина!
Раба сомнений и вообще ничтожество
Впридачу дается кол из осины
Неужели все получится и сложится?

* * *

Заболела к ночи совесть
Засияла перламутром
Засиделись в доме гости
И заснули лишь под утро
И глазами как из бездны
Пожирали добродетель
Но напрасно, бесполезно
Все равно рождались дети
И святою простотою
Прожигали мрак и темень
Становилось любовью
Все посеянное семя

Папин Юрий Семенович

Журавли

Когда Александр Иванович работает, для него все, что ни есть вокруг, исчезает совершенно. Вот сидим мы, описываем керн скважины. Он внимательно рассматривает куски керна, каждый в отдельности, все разом, капают соляной кислотой – нет ли примеси в породе карбонатного материала, близко подносит к глазам некоторые образцы, анализируя в семикратную лупу их структуру. Наконец, на его высоком лбу разглаживаются морщины, и он начинает диктовать голубоглазому светлому лицом и душой молодому специалисту, выпускнику Саратовского университета Анатолию Федоровичу:

“Алевролит темно-серый, мелкозернистый с косоволнистой неясно выраженной слоистостью, с неровным изломом...”

Я в это время проколачиваю уже описанный Александром Ивановичем керн с одной задачей – найти в нем и отобрать на изучение все, какие встретятся, окаменелости, отпечатки раковин и листьев. Есть еще один работник в нашем маленьком коллективе, Надежда Несмеянова. Про нее мало сказать молодая, пышноволосяя, милая и улыбчивая девушка, нужно обязательно добавить очень милая и очень улыбчивая. Она подписывает и заворачивает образцы на многие виды лабораторного анализа: минералогический, петрографический, спектральный и другие. Работы у нее было всегда больше всех. И если мы, я имею в виду себя и Анатолия Федоровича, можем время от времени оглянуться вокруг, расправить плечи и потрясти руками, смахивая с них надоевшие своим однообразием движения, то ей для этого просто не хватает времени. Ведь прежде чем завернуть в бумагу образец нужно занести его в каталог, написать к нему этикетку, а завернув подписать сверху вид анализа. Поэтому мы с Анатолием Федоровичем при любой заминке со стороны Александра Ивановича помогаем Наде, тем более что помогать

ей приятно, поскольку она без счету дарит нам свои милые улыбки. К тому же каждый из нас втайне надеялся на нечто большее.

Керн находился непосредственно на месте бурения скважины, на дне неширокой поляны, по которой замысловато петлял, так зайцы путают свои следы, небольшой без названия ручей. Поляна со всех сторон окружена низкими холмами, покрытыми ярко желтыми березовыми колками. Среди них там и сям горели редкие кусты ярко красных осин. Тихо и солнечно. Лишь мерно-четкий голос Александра Ивановича нарушал почти абсолютную тишину поздней осени. И вдруг далекое курлыканье. Мы с Анатолием Федоровичем одновременно вскинули вверх головы. Так и есть, журавли.

Мимолетными взглядами мы следили за ними – как они, переговариваясь, размеренно вверх-вниз двигали крыльями, все ближе приближаясь к нам, и все яснее была слышна их понятная и светлая грусть прощания с родным домом. Мы слушали и думали – закончилось лето, скоро придут холода, бесстыдник-ветер сорвет с белых берез нарядные их платья и они покорные и погрузневшие заведут свой долгий хоровод, а он, ветер, любуясь ими, будет шептать им нежные слова и кружить их в нескончаемом белом вальсе.

Продолжая заворачивать очередной образец, вскинула кверху и Надя свой аккуратный носик, обнажая тонкую и белую шею. Я невольно перевел взгляд на нее, изумляясь про себя: “Какая белая и длинная! Наверное, про такие говорят – лебединая шея”. Надя, заметив мой взгляд, едва заметно улыбнулась то ли журавлям, то ли своим мыслям, и еще глубже запрокинула головку. Ее пышные волосы, до того плотно обрамлявшие лицо распались в разные стороны, обнажая ямочки на щечках: “Какие милые!” Одновременно распались и полы расстегнутого жакета, а белая кофточка напротив натянулась, эффектно вырисовывая приподнявшиеся груди: “Какая она фигуристая!”

Боясь быть замеченным в дурных мыслях, я вновь посмотрел на небо и говорю:

“Александр Иванович, все равно как в песне – И курлычут журавли над нами”.

“Что?” Он недоуменно отрывает глаза от керна и поднимает голову: “В какой песне? Какие журавли?” И услышав уже близкое курлыканье:

“Ах, журавли... Н-да... Да... Ну, пишем дальше. По плоскостям наслаения встречаются частые остатки кордаитов и ...”.

Здесь Александр Иванович задумался, несколько грубых морщин покрыли его лоб. Перочинным ножом он поскрёб в образце бурое пятнышко, капнул на него соляной кислотой, и уже было приготовился диктовать, это было видно по разгладившемуся от морщин лбу, как Анатолий Федорович, ни к кому конкретно не обращаясь, высказал наши мысли, навеянные грустным курлыканьем:

“Улегают журавли, не за горами зима, вот-вот наступят холода, а там и снег покроет нашу поляну. И вообще, мне кажется, мы сюда уже никогда не вернемся. А место надо сказать...”.

Но не успел он по заслугам одарить наше место каким-либо эпитетом. Ему не то что помешал, а просто-напросто перебил на полуслове Александр Иванович:

“Ну, причем тут зима, вернемся – не вернемся?! Нам до холодов нужно описать еще две-три скважины”. Здесь Александр Иванович склонился над керном и добавил: “Как минимум”. Потом он посмотрел на часы:

“Вот видишь, пять минут потеряли с разговорами. Это ты все со своими журавлями. Они-то время не теряют”.

Его лоб вновь покрылся морщинами, а мы притихшие сосредоточенно вернулись к прежним делам и, не высказывая больше мыслей вслух, стали ждать обеда, до которого, увы, оставалось час-полтора. Скорей бы! Анатолий Федорович быстро разведет костер, я в ручье намою картошки, Надя быстро очистит ее, Александр Иванович откроет две банки говяжьей тушенки. Уже минут через двадцать будем неспешно, а куда торопиться – не на работу же, она ведь рядом, дуть на горячие ложки, смотреть на огонь и смеяться любой шутке. Затем, как и положено после вкусного обеда, полежим на соломе и спальниках всего-то минут пять-десять и вновь за работу. И все это время улыбочивая и милая Надя будет хлопотать вокруг нас: нарежет хлеб, затем, когда мы поедем уберет его в целлофановый пакет, чтобы не черствел, помоев кастрюлю, смахнет крошки с походного раскладного стола и спрячется в своей палатке. А ее женская аура останется у костра, медленно и спокойно войдет к нам палатку, каждому скажет именно те слова, которые ты ждешь, и все вокруг от этого наполнится покоем и гармонией, и еще чем-то куда более глубоким и значимым, возможно, самым смыслом бытия.

Атлантида

“Вот Вы из Тюмени. Как там с нефтью? Недавно я вез двух командировочных. Ну, они оттуда, где бурят. Так вот, говорят, что воду туда, ну, в землю, загоняют, чтобы значит больше выдавить нефти.

А я ведь как понимаю? Не выдавить ее водой. Ну, ладно, может попервости что-то и получится, а дальше? Дальше она, вода, и пойдет. Что-то другое придумать надо.

Иногда, правда это редко случается, когда пассажиров нет, я думаю об этом, но пока ничего придумать не могу”.

Водитель посмотрел на меня ожидающе, но я не торопился отвечать. Мне вспомнился очень созвучный теперешнему разговор в плацкартном вагоне по дороге Тюмень – Томск. Мы с попутчиком, помолодым мужчиной интеллигентной внешности, во всяком случае, все атрибуты интеллигента были на нем, это галстук, белая рубашка и очки, сидели у окна. Я молчал, а сосед, глядя на неухоженные деревеньки и разбитые дороги, неспешно, вроде бы обращался ко мне, а вроде бы рассуждал сам с собою:

“Вот она, вечная проблема России, – плохие дороги. Что тут поделаешь?! Думаю ничего. Ведь такое пространство разделяет соседние деревушки. А деревни?! Сколько их убогих и забытых! Порой ни магазина, ни школы, ни аптеки. Да и дома – развалюхи”.

Мой сосед по вагонному купе замолчал ненадолго, рассматривая быстро бегущую навстречу поезду очередную деревню, и продолжил:

“Я вот все думаю – как обустроить русскую деревушку?” Здесь он сделал длинную паузу.

Наконец я не выдержал и спросил его: “Как?”

Он внимательно поглядел на меня, перевел взгляд на ту же деревню и, немного подумав, очень веско и убедительно ответил:

“Не знаю”.

Не дождавшись от меня какой-либо ответной реакции, и в то же время обуреваемый своими досужими мыслями, водитель такси продолжил: “Ведь тут главное – как увеличить давление внутри Земли. Они говорили, мол, нефть не в каких-то там ямах внутри Земли, а в самых пластах породы. Я не раз рассматривал породы, особенно, когда еду на Казань. По обочинам трассы они там действительно залегают пластами. Я выходил из машины, раскалывал камни, но понять и сейчас не могу – как могут миллионы тонн уместиться в породах?! Ну, допустим – есть в них нефть. Но тогда, скажите – какой силой, а главное, где ее взять, эту силу, чтобы сдавить породы и выдавить из них нефть?”

Он опять посмотрел на меня ожидающе, но уже более требовательно и настойчиво и я, выбирая из двух зол меньшее: или по-

пасть в аварию, потому что он лишь краем глаза смотрел на дорогу, а на меня, напротив, во все глаза, или поддержать разговор, решил ответить ему:

“Знаете, я не специалист в этой области, хотя, конечно, живя в Тюмени и читая местные газеты, невольно получаешь какую-то информацию и по нефти. Вот Вы говорите – где взять эту силу? А я недавно прочитал интересную заметку. Написал ее не какой-то человек с улицы, а известный в Тюмени, да я думаю и в стране тоже, ученый. Фамилию его не помню, но звание хорошо запомнил – член-корреспондент Академии наук. Так вот, он пишет, что месторождение нефти можно создать взрывом”.

“Как взрывом?!” – водитель даже остановил машину. Тут же взревел клаксоном наседавший сзади автомобиль. Но водитель, казалось, ничего не слышал.

“Так, так, так... Интересно, интересно...” – лихорадочно думал он.

Сигналили машины, особенно настойчиво та, что чуть ли не касалась нашей “Волги”. Ей бедной ни назад не отъехать и ни вправо, ни влево не отвернуть. Мало-помалу водитель, видать, все обдумал, посмотрел серьезно на меня и, сказав: “А что? Может быть и взрывом”, включил скорость, и мы поехали.

Какое-то время мы ехали молча. Я даже подумал: “Похоже, крепко его опарашил взрыв”, как водитель снова, внимательно поглядев на меня и убедившись в том, что я готов продолжить разговор, стал рассуждать вслух:

“Положим взрыв можно сделать на глубине, пробурить скважину, опустить туда взрывчатку и рвануть. Но вот сильно сомневаюсь – будет ли какой толк от этого? Ведь не сосчитать – сколько было взрывов в том же карьере по дороге на Тулу. Конечно, они, так сказать, были совсем неглубоко, ну, практически на поверхности. Но давление-то все равно при взрывах подскакивало, а нефти ни капли не выдавливало. Я в том карьере три года работал, но никто и никогда там не выдывал нефти. Даже малюсенького месторождения не образовалось”.

Он сбавил скорость, хотя дорога впереди нас была довольно свободной, и стал вновь ожидающе-требовательно глядеть на меня, дескать, попробуй не ответить. Я секунду-другую помешкал: “Вот ведь привязался с этой нефтью. Что-то нужно ему ответить, все равно не отстанет”.

“А вы знаете – начал я – может именно вы, а не тот академик прав. Может взрывы действительно ни при чем. Корифеи науки тоже ошибаются. Кстати есть такой анекдот, правильное притча. Нет даже не притча, а скорее закон познания, а лучший закон утверждения нового в науке. Остряки называют его тремя степенями признания истины. На любой конференции, в любой дискуссии можно услышать три типа оценок, которые и отвечают этим трем степеням:

первая – все это чушь, ерунда, ничего подобного!

вторая – это может быть, правда, пока не вполне доказано;

третья – в этом нет ничего нового, мы об этом уже давно писали.

И что самое интересное – в будущем ничего, скорее всего, не изменится: будут копиться все новые знания и всегда будут сторонники этих трех оценок всего нового”.

“Так, так, так... Интересно, интересно...” – сказал в никуда водитель и поехал еще медленнее. Сзади опять засигналили машины, но он опять не обращал на них никакого внимания, будто на всем проспекте мы ехали одни. Я уж было подумал – разговор окончен, как будто очнувшись, он прибавил газу, “Волга” побежала быстрее. И водитель, по-видимому, обдумав все и придя для себя к определенному выводу, стал рассуждать сам с собою:

“А, что?! Это действительно так. О чем бы ни заговоришь с мужиками всегда кто-то “за”, кто-то “против”, ну а некоторые как бы не уверены, они ни “за”, ни “против”. Что же получается? Я, кажется, ничего не понял. Нужны взрывы или не нужны, могут они или не могут давать месторождения нефти?”

Он вновь поглядел на меня, потребовав взглядом продолжить разговор и, более того, попросив:

“Приведите какой-нибудь пример, ну, из практики, из дискуссии что ли. Ну, вы понимаете”.

Я задумался. Из медицины, я работал кардиохирургом, ничего подходящего в голову не приходило. Перед глазами стояли больные, которым чем раньше, тем лучше сделать операцию на сердце и дискутировать тут было не о чем. Все и без дискуссии предельно ясно. Тогда я стал вспоминать досужие за кружкой чая разговоры со своим другом Робертом.

Тем временем машина все сильнее замедляла свой бег, водитель терпеливо ждал.

Роберт Михайлович, геофизик по специальности, не раз поражал меня оригинальностью мышления и видения природных явлений.

Я поглядел на водителя, тот все понял, добавил немного скорости и приготовился слушать:

“Знаете есть, например, разные точки представления о составе ядра Земли, по другому, центральной ее части. По принятой точке зрения ядро – расплав железа и никеля, а вот один тюменский ученый считает, что оно состоит из протонов. Большинство сейчас считает эту точку зрения чушью, а по моему мнению она вполне реальна.

Протон – это одна из двух частиц, образующих атомы всех химических элементов. Другая частица – электрон. По мнению этого учебного протоны, как одни из мельчайших частиц вещества, постоянно продвигаются вверх к поверхности Земли. По пути, можно сказать по дороге...”

Я здесь почему-то сделал небольшую паузу, водитель слегка притормозил, поглядел на меня, я же пристально глядел на дорогу и молчал. Водитель понял, что я просто задумался, и мы поехали дальше:

“...протоны отбирают, они же очень активные, электроны. А протон и электрон – это уже водород, простейший из химических элементов. Он как легкий газ продолжает продвигаться выше и в земной коре, это верхний слой Земли, отбирает у минералов кислород. А вместе кислород и водород – это уже вода. Так из Земли образуется вода, Возможно, таким образом исчезла в свое время знаменитая Атлантида”.

Водитель, приговаривая свое: “Так, так, так... Интересно, интересно...” стал тормозить, я успел попросить его припарковаться к обочине и рассчитавшись вышел. До моей гостиницы “Профсоюзная” оставалось не более ста метров. Уже дойдя до места, я оглянулся. “Волга ” еще стояла, а водитель, я убежден, размышлял вслух: может о нефти, может о трех ступенях признания истины, а может и об Атлантиде. Улыбнувшись его мыслям, я вошел в гостиницу.

Простые технологии

Пятница, солнечно, легкий теплый ветер – ну, думаю все идет как по маслу: погода отличная, машина в порядке, на базе срочных дел не предвидится, вчера переделали электропроводку в столярной мастерской, повозились, правда, зато дело сделано, зато сегодня

работаю до обеда и еду в деревню. Во-первых, там меня ждет Любаша, скучно ей одной в доме, да и в деревне особо-то поговорить не с кем. Живут там еще Надежда Михайловна и братья Богдановы. А во-вторых, сейчас середина июня, сезон росения пчел. Хотя и объяснил Любаше как рои собирать, но мало ли что? Вот проверю еще подключение всех станков в столовке и поеду. Думаю, что сумею выехать часов в 12, ну от силы в час дня. Заеду по пути в магазин, куплю продукты, Любаше как обычно шоколадку...

Николай Иванович улыбнулся про себя: "Как была сладкоежкой в молодости, такой и осталась, хоть и бабушка".

Все так и шло, как планировал Николай Иванович. Он уже вышел из вагончика, где базировалась его бригада электриков, махнул рукой Андрюхе, мол, не скучай без меня, в понедельник зайду к тебе в мастерскую, как двери вагончика распахнулись: "Николай Иванович, к телефону! Генеральный просит".

"Вот тебе и на! Неужели что случилось?!"

Не садясь на стул и все еще надеясь, ничего особенного, что могло бы нарушить его планы, не произошло, он взял трубку:

"Ахат Ринатович, я Вас слушаю".

"Да, Николай Иванович, поездка Ваша откладывается. Вы должны обеспечить безопасную работу сварочного агрегата. Видели же на территории телевидение? Никаких выходных, будем все работать, пока не устраним утечку воды. Скорей всего придется заменить прогнившую часть водопровода, а для этого нужна сварка".

"Спасибо, Хаттаб" – подумал Николай Иванович, а в трубку медленно, боясь чертыхнуться или того хуже в сердцах выразиться, произнес:

"Ахат Ринатович, я что-то не совсем понял про телевидение и утечку воды".

"Пройдите к месту, где вскрывают водопровод, там же телевидение, там же во всем и разберетесь".

Николай Иванович положил трубку, оглядел вагончик, помянул недобрым, т.е. матерным словом, всех чертей, и пошел на территорию. Не замечая телевизионщиков, минуту-другую внимательно осматривал яму, которую, сменяя друг друга, резво копали таджики. Наконец спросил их:

"Как долго еще собираетесь копать?"

"Главный сказал до водопроводной труба" – не отрываясь от лопаты, ответил один из них.

“А если трубы здесь нет?”

Таджики бросили копать и внимательно посмотрели на Николая Ивановича, ожидая, что им дальше скажет этот солидный и годами и комплекцией мужчина, то ли заместитель главного, то ли еще более главный.

“Вы только подумайте – кто закапывает так глубоко водовод. Уже на три метра углубились. Мы же не на северном полюсе живем. Зовите Марченко, будем разбираться”.

Марченко Вадим Петрович, главный инженер базы, щуплый и пожилой, в очках, производящий впечатление больного человека, неуверенно подошел к яме, как бы боясь упасть в нее, и тихо, видать громко он не мог разговаривать, спросил Волкова:

“В чем дело, Николай Иванович? Почему Вы считаете, что мы не там копаем? Видите колышки? ими обозначен водопровод. Генеральный вызвал лабораторию из “Водоканала”. Это они своими приборами определили положение водопровода. Так что пусть копают. А Вы не вмешивайтесь. Ждите когда вскроют, тогда и начнется Ваша работа”.

“Нет уж, дудки. Так я своей очереди вообще не дождусь, дорогой Петрович. Вы же не хуже меня видите – глубже копать некуда. Нет здесь трубы. Наверное, где-то рядом”.

“Так ведь Николай Иванович прибором это место определено. Что снова вызывать “Водоканал”?! Они с нас уже сняли 50 тысяч и еще столько же снимут. Пусть копают здесь. Или идите сами к генералу, доказывайте ему, что приборы ошиблись и нужно копать в другом месте”.

Николай Иванович поморщился, представив себе Хаттаба, которому ничего не докажешь, а напротив еще схлопочешь чего-нибудь на свою голову, посмотрел в яму, где в жидкой грязи стояли таджики в ожидании окончательного решения – копать или не копать. Затем он обошел яму, внимательно рассматривая ее вертикальные стенки. Ничего не найдя в них интересного, прошелся вдоль колышков, вернулся назад и попросил одного из рабочих вылезти из ямы:

“Как тебя звать?”

“Памир Хабибович” – ответил рабочий.

Волков оглядел с головы до ног худого и невысокого таджика. “Пацан и есть пацан” – подумал он, а вслух произнес: “Рано тебе еще быть Хабибовичем. Давай, Памир, беги в вагончик к электрикам, принеси мне два электрода и большие сапоги. Да не перепутай с маломерками, а то побежишь снова”.

Памир убежал, а Николай Иванович кивнул в сторону телевизионщиков: “А они зачем здесь, Петрович? Грязи не видывали, что ли?”

“Да нет же! Хорошо Вы живете, электрики. Ничего не знаете. А тут две недели покоя нет. Вон видите через дорогу частный дом. Так вот, его эти две недели вода топит”.

“Так весна же! Вон как дружно тает, а снега было ого-го!”

“Нет, нет, Николай Иванович. Вода как бы из-под земли бьет. А раз из-под земли, значит водопровод прохудился. Кроме же нашего, никакого другого здесь нет водопровода. Так что кругом виноваты. Вон видишь – хозяйка дома на меня волком смотрит. Ходила, ходила ко мне. А что я сделаю”.

“Послал бы ее к Хаттабу”.

“Пробовал, а она мне – Все Вы тут одним миром мазаны, никто ни за что не отвечает, и написала в телевизионную программу “Город”. Они позвонили Генеральному и обрадовали его – будем проверять исполнение в пятницу, т.е. сегодня. Видишь уже и тебя на видеорекамеру запечатлели”.

Николай Иванович слегка повернул голову на телевизионщиков, широко улыбнулся:

“Снимайте, снимайте. Сейчас вся Тюмень убедится и в первую очередь Ахат Ринатович – какие толковые работники есть у него на базе” – и немного помолчав добавил: “Не то, что некоторые” – и поглядел на главного инженера.

“А некоторым – выразительно глядя на Николая Ивановича, ответил Вадим Петрович – придется выходные дни здесь в грязи рыbachить, пока не исправим трубу”.

Рыbachить – так Вадим Петрович съехидничал над всегдашним желанием, можно даже сказать страстью, Волкова уехать в деревню как можно раньше в пятницу, а вернуться как можно позже в воскресенье. Вся база знала – у него уже много лет был куплен домик на берегу спокойной реки Иска и где у него кроме Любаши и пчел, были и всегда терпеливо ждали его рыбалка, охота и чистейший шум леса, в который самым естественным образом вплетались время от времени столь же чистые звуки деревенской жизни: звонкий собачий лай, протяжное мычание коров и то веселые, то грустные песни подгулявших сельчан. Правда, из сельчан там жили-были, как в сказке, старик со старухой, т.е. всего раз-два и обчелся, а песни пели дачники. И вообще кто не запоет, окажись он в деревне, там сама душа поет, и совсем не обязательно после того как выпьешь.

“Это мы еще посмотрим – кто, где будет рыбачить” – заключил Николай Иванович.

“Памир, молодец, быстро сбежал. Давай сюда сапоги”.

Николай Иванович переобулся, взял у Памира электроды, соскоблил с них покрытие, согнул под прямым углом оголившиеся металлические прутки и, улыбаясь, показал их Вадиму Петровичу:

“Вот он прибор! А то вызывали лабораторию! Они колышками обозначили водопровод! Но Вы же видите – нет водопровода в этом месте, где копают. Кстати, моим прибором отметим и место, где труба прогнила. Но сдаётся мне, что труба целая, а это внешние воды топят дом”.

В ответ Вадим Петрович хмыкнул – мол, еще посмотрим, что получится, а Николай Иванович уточнил:

“Как я понимаю, Петрович, вода сейчас отключена, чтоб хозяйку не топить”.

“Разумеется. А что Вы хотели?! Не оставлять же ее включенной! Хозяйка вон на ступе стоит. Попробуй включить, что тут будет?!”.

“Но включить, хотя бы на несколько минут надо” – сказал Николай Иванович и посмотрел на хозяйку частного дома. Та, услышав, что “надо”, не подошла, а прямо-таки подбежала к главному инженеру, но Николай Иванович опередил ее вопросом:

“А что хозяйюшка, как Вас по отчеству?”

Та поправила челку, одернула кофточку и с достоинством назвалась:

“Любой меня зовут”.

Николай Иванович осмотрел ее, про себя отметил – симпатичная, моложавая, и не стал уточнять отчества:

“Так и знал. Почему-то всех красивых и светлых женщин Любашинами зовут. Так вот, Любаша, мы только на несколько минут откроем воду, чтобы уточнить положение водопровода и затем копать в нужном месте, а не где попало. Это же в Ваших интересах”.

Любаша еще раз одернула кофточку и кивнула аккуратной головкой в знак согласия.

“Все, Петрович. Операция начинается” – весело и с азартом охотника, идущего по следу лося, сколько он их пострелял на болотах, громко сказал, почти крикнул Николай Иванович и еще громче и веселее позвал:

“Памир, ты где? Давай беги и включай воду, а то времени уже половина первого, а я хотел уехать в двенадцать”.

Через минуту Памир закричал издали: “Включил!”

Взяв по электроду в обе руки и слегка вытянув их перед собой, Николай Иванович от ямы прошел несколько метров сначала в одну сторону, затем в другую:

“Иди Петрович сюда. Видишь – проволоки сошлись, значит здесь под землей бежит вода, значит здесь водопровод. А вы копали почти на метр в стороне. Так... теперь проверим их колышки”.

Николай Иванович прошелся взад-вперед по линии, отмеченной колышками, и оценил работу лаборатории “Водоканала”:

“Ну, в общем неплохо. Хотя есть метр-полметра туда-сюда, а это, если вручную копать, многовато. А, Петрович?”

“Да ладно тебе, согласен. Что дальше будем делать?” – спросил и так уважительно поглядел на Николая Ивановича, что тот понял: надежда только на него, а иначе видеокамера так и не дожидется сегодня счастливого разрешения конфликта между базой и миловидной хозяйкой частного дома. А он, Петрович, уже вдосталь наслушался с обеих сторон прямых и иносказательных определений в свой адрес.

“А сейчас дорогой Вадим Петрович выясним – мы ли виноваты, что в дом Любаши из под земли поступает вода?”

Он посмотрел на Любашу, она приосанилась, поправила челку, одернула кофточку, а Николай Иванович продолжил, глядя на нее: “Затем будем искать место поломки”.

Все еще глядя на Любу, какая приятная женщина, Николай Иванович спросил: “А что, Любаша, у Вас в доме сейчас все краны закрыты и из них вода не бежит?”

“Младшенький в школе, старший на работе, сама я здесь с утра... Все дождаться не могу... Вы лучше ответьте – сделаете ли сегодня?” – стала напирать она на Николая Ивановича, поняв, что сейчас все зависит от него.

“Стоп, стоп. Вы не сказали где муж. Может он посуду моет или того хуже белье стирает”.

Николай Иванович выжидательно посмотрел на Любу и так, ради шутки, предположил с улыбкой: “Неужели в командировке?!”

“Да, в командировке” – тряхнула челкой, тут же ее поправила и вызывающе-гордо поглядела на собеседника Люба.

“Ладно, ладно. Ну и пусть в командировке. Мне, главное, чтобы в доме все краны были закрыты” – опять улыбнулся Любе Нико-

лай Иванович и, уже обращаясь к Памиру, подчеркнуто торжественно попросил:

“Давай, Памир Хабибович, беги в котельную, скажи – пусть теперь закроют на пять минут распределительный кран” – и уже обращаясь к Вадиму Петровичу добавил: “Через минуту-другую вся система заполнится водой, мы же для надежности обождем еще минут пять и тогда, Петрович, проверим – есть ли где течь или – Николай Иванович повернулся к Любе, обождал, когда она одернет кофточку и поправит челку, и снова повторил – или... Любана, во всем виновата весна”.

Люба забеспокоилась: “Как так весна?! Она каждый год весна, а меня топит только в этом году”.

Оживились и телевизионщики: тот, который высокий с видеокамерой, сказал другому, который держал микрофон:

“Слушай, я, пожалуй, запишу все, начиная с этого момента”.

Но ему довольно резко ответил другой, похоже, главный в их группе:

“Ты, я вижу, забыл задание редакции – мы должны показать как современные технологии, которые приобретает город для “Водоканала”, позволяют быстро находить утечки воды, устранять их, а, значит, экономить средства и улучшать жизнь граждан”.

Последние слова он произнес особенно громко и, чтобы не оставалось сомнений – кому предназначались они, посмотрел на Любу. Та все поняла и благодарно кивнула головой.

Главный инженер подумал: “Не знаю – какой он журналист, а служака ретивый. Такому только дай задание, любого закопает. Надо бы с ним поосторожней, а то пришьет, мало ли чего, потом доказывай, что не дурак”.

Николая Ивановича также задели слова представителя третьей власти о современных технологиях.

“Чтобы понимал в них, а то набрался красивых словечек: технология, компьютер, информатика, экономия средств... Ничего, вот разберемся с утечками, я ему по-дружески кое-что постараюсь объяснить” – подумал он, вытянул перед собой руки с прутками электродов и пошел вдоль линии колышков к котельной. На обратной дороге он часто пересекал эту линию вправо-влево на несколько метров и, подойдя к яме, где стояли все и внимательно наблюдали за ним, заявил таджикам:

“Давай наверх, покапали и будет. Закапывайте яму, а то, не дай бог, попадем в телепрограмму “Город” – дескать, на территории базы нет никакого порядка”.

“Как вылезай” – подскочила к нему Люба.

“Ты хоть понимаешь – какую ответственность на себя берешь?” – для порядка спросил главный инженер. Уж он-то хорошо знал – Николай Иванович в таком серьезном деле не будет с бухты-барухты говорить ерунду.

“Вы хотите сказать, что дело не в водопроводе?!” – искренне удивился оператор с видеокамерой.

“Может, все-таки объясните – как, где и что Вы обнаружили своими проволочками?” – требовательно и с непонятым раздражением спросил журналист.

Николай Иванович с ответом не торопился. Он сначала помог таджикам вылезти из ямы, затем оглядел всех, сначала остановил взгляд на Любаше, она тут же поправила челку и одернула кофточку, наконец, глядя на журналиста, заговорил:

“Ничего нет проще. Когда в системе движется вода, то проволочки сходятся, а если нет водотока – они остаются на месте. Сейчас водопроводная труба заполнена водою, проволочки не сходятся, потому что в трубе нет движения воды. Если бы труба была худая, проволочки бы сошлись, потому что был бы водоток”.

Немного помолчав, пока журналист переваривал сказанное, Николай Иванович опять взглянул на него:

“Вот Вам и современные технологии. Эта же технология используется с незапамятных времен и в наше время, как видите, действует безотказно. А знаете, сколько стоил базе вызов специалиста с прибором из “Водоканала”?! Пятьдесят тысяч рублей! За что, спрашивается, заплатили? А Вы говорите экономия средств, улучшение жизни граждан. В данном случае все наоборот – пустая трата государственных средств”.

Наконец Люба улучила момент и шагнула в сторону разговаривающих:

“А, скажите мне чего делать, Николай Иванович?”

Николай Иванович оглянулся на нее, Люба тут же поправила челку, одернула кофточку и подумала: “Какой сильный и умный! Он точно мне поможет”. Она еще раз одернула кофточку и, очень уважительно глядя на Николая Ивановича, посетовала:

“Ведь меня уже две недели топят”.

“Хорошо, хорошо, Любаша. Вы идите домой, готовьте чай, а я отрапортую генералу, договорю с журналистом и потом к Вам на кружечку, знаете, лучше кофе. Хотя мне и издалека с Вашим домом все ясно, я в самом начале предполагал это – талые воды каким-то образом поступают в дом. Минут через пять-десять разберемся”.

Николай Иванович посмотрев вслед уходящей Любе, подумал:

“Ничего не скажешь, красивая женщина и чем-то на мою Любашу походит. Даром, что зовут также”.

Переведа взгляд на яму и увидев стоящих на краю ее таджиков, он аж закричал: “Вы что, талибы?! Жить надоело! А ну давай два-три шага от ямы. Весна, грунт мокрый, свалитесь туда, а нам от-вечай”.

Встретившись глазами с главным инженером, Николай Иванович попросил его: “Вы бы Петрович проследили. Да и генералу бы доложили – мол, вскрывать водопровод не пришлось, все в порядке. Ну, а я поехал на зеленый бережок карасиков ловить. А то ишь чего сказал – в грязи будешь рыбачить...”

Здесь он весело улыбнулся: “Вот, Петрович, Вы и закапывайте грязь, а то и вправду кто-нибудь свалится туда рыбачить. Привет семье”.

Попроцавшись с журналистами и уже отойдя от них на несколько шагов, Николай Иванович оглянулся.

“Обождите” – окликнул его журналист.

“Я бы хотел уточнить – Вы действительно хотите и можете чем-нибудь помочь Любаше, как Вы ее называете?”

“Помочь, пожалуй, ничем не смогу, своих дел хватает. Хотя... там видно будет. А вот объяснить что к чему, подсказать, как исправить – это обязательно”.

“Как Вы думаете – в чем там причина?”

“Прошу прощения – как Вас звать?”

“Меня Михаилом Антоновичем, можно просто Михаил, а моего помощника – Володей”.

“Знаете, Михаил Антонович, беда многих” – Николай Иванович оглядел оценивающе своего собеседника – “кстати, и Вас также – берегесь за серьезную работу, а опыта не хватает. Причем, знаете опыта всякого, может перво-наперво жизненного, а потом уже профессионального. Так вот, мой жизненный опыт подсказывает мне, скорее всего ондатры или крысы исходили подпол в доме у нашей

Любаши. Теперь вода и поступает по этим норам, а хозяйке кажется, что она идет из-под земли”.

“Что же ей делать сейчас? Ведь согласитесь, Николай Иванович, неудобно жить с подполом, в котором вода, а продукты, особенно картошку, пришлось рассовать по всем углам”.

“Сейчас ничего не сделаешь. А потом, когда вода уйдет, нужно обязательно провести гидроизоляцию. Ведь место низкое, река рядом, ондатры забегают сюда, а уж крыс-то всегда хватало. Вон почти все частники держат свиней”.

“И что Вы действительно зайдете к ней на чашечку кофе?”

Николай Иванович серьезно поглядел на журналиста: “На что он намекает?”, но ответил:

“Вы же видите, нет у ней мужика. Был бы, она бы уже давно заставила его сделать гидроизоляцию. В этом районе все ее делают. Просто по-мужски поговорю с ней, успокою ее, а то она сейчас как у разбитого корыта – не знает что делать. Я ей все объясню, не так уж это хлопотно и дорого сделать гидроизоляцию. На дорожку выпью кофе, на прощание похлопаю ее по одному месту”.

Все заулыбались.

“Эх, бабы, бабы...” – подумал про себя Николай Иванович и, опять попрощавшись с журналистами, на этот раз уже с пожатием рук, отошел несколько шагов и оглянулся.

“Извините” – вновь окликнул его Михаил Антонович.

“Я насчет Вашей технологии. Вы так уверенно разобрались во всем, что я забыл про свое задание – показать на деле значимость нового прибора и новой технологии обнаружения утечек воды. Откровенно говоря, переживал за Вас: получится, не получится. Ведь пишут, что не всегда срабатывают прутики. Многое зависит и от биополя конкретного человека. Вам, наверное, уже приходилось еще где-то использовать данный прием?”

“Конечно. В той же деревне, где у меня дача, определил для колодца место в своем огороде. Да что об этом говорить?! Вы, безусловно, грамотный и сами слышаны об этом не меньше меня. Я лучше о другом”.

Немного подумав и слегка постучав себя по голове, он продолжил: “Вот он наш компьютер, самый главный прибор. При любых технологиях нужно здесь что-нибудь иметь”.

Затем, после некоторой паузы, он вытянул вперед руки и слегка потряс ими: “А вот они наши технологии. Далеко не все могут

сделать за нас машины. Да и руками частенько намного дешевле получается. Вот хотя бы такой случай”.

Николай Иванович достал папиросу, повертел ее в руках и снова спрятал:

“Вот этой зимой пробило у нас на базе кабель”.

Заметив некоторое недоумение в глазах собеседника, пояснил: “Ну, пробило, значит, замкнуло, т.е. трах-бах и нет электричества. А в складах холодильники с продуктами. Попробуй, не исправь во время. База обанкротится. Мне Хаттаб звонит...”

“Вы сказали Хаттаб?” – уточнил журналист.

“Ахат Ринатович, наш генеральный директор. Это я так его про себя зову, но иногда наружу выскакивает. Вот он и звонит – вызывай кого угодно за любые деньги или сам исправляй немедленно. Вся заковыка – найти место, где пробило кабель, а проложен кабель под землей на небольшой глубине. Ну, полметра или того меньше”.

Он опять достал папиросу, помял ее.

“Да Вы закуривайте, мы же не в помещении... Николай Иванович” –вставил несколько слов в разговор Володя.

“Нельзя мне, стараюсь поменьше курить. Значит, взял я схему положения кабеля на территории базы, взял небольшой ломик и пошел по схеме. Через каждый шаг-другой простукиваю землю ломиком. Сам на время гляжу, в моем распоряжении всего один час, потом срочно звонить в “Горэлектросеть”, вызывать с приборами мастеров”.

“Ну, и что?” – спросил Володя.

“А что? Не прошел и половины как мой ломик раз и провалился. Я его вынимаю из земли, на всякий случай нюхаю, действительно пахнет гарью. Так вот и нашел всего за двадцать минут это злополучное место. А дальше, как говорится дело техники”.

Он весело оглядел журналистов и добавил: “А технология не подвела!”

“А все-таки, почему лом провалился в землю” – совсем освоился с новым знакомым Володя.

Николай Иванович засмеялся Володиной непосредственности: “Зимой, а это было зимой, как я Вам говорил, земля замёрзшая, лом от нее отскакивает при ударе, а это место оттаяло, потому что кабель не сразу прогорает и полное замыкание не сразу происходит. Поэтому земля прогрелась и лом не отскочил, а воткнулся в землю”.

“Здорово! Это ж надо было догадаться!”

“Вот тебе и здорово” – ответил Володе Николай Иванович и было пошел к Любиному дому, но остановился.

“Так и быть еще два слова, как сами понимаете, о другой технологии. Это уже давненько было, минувшей осенью. Все службы готовили базу к зиме. И за чем я пошел тогда в 101-ый склад, точно сейчас не помню. Кажется, заменить электропроводку то ли к холодильнику, то ли к пожарной сигнализации. Да это и не так важно. Иду мимо котельной, смотрю – рабочие утепляют трубу”.

“Как трубу? Неужели ту, из которой дым идет?!” – чутко среагировал Володя, а Николай Иванович отметил: “Ишь ты! Внимательно слушает и быстро соображает”.

“Именно ту самую”.

Николай Иванович повернул голову налево, кивнул головой: “Вон она, труженица. Сколько уж лет, почитай, нас теплом снабжает” и помолчав несколько секунд продолжил:

“Котельную только что перевели на газ и по технологии газовой горелки водяной пар не должен конденсироваться в трубе. Потому и утепляли ее снаружи. Сначала обкладывали теплоизоляцией, а затем эту изоляцию закрывали листами алюминия”.

“А когда закрыли, что было дальше?”

“Ты Володя не суетись. А было не после, а во время закрытия. Как они ни пытались зафиксировать проволокой листы вокруг трубы, а затем соединить их края саморезами – у них никак не получалось сделать это плотно и ровно.”

Я поглядел, поглядел на них и спрашиваю: А вы кино про Ходжу Насреддина видели? Помните – как он там пытал мудреца при помощи веревки и палки. Он закручивал палкой веревку и все сильнее сдавливал голову мудреца. Если будете именно таким образом сжимать каждый лист в двух-трех местах, то у Вас защита трубы получится ровной и плотной. Тогда и соединяйте края листов саморезами”.

Здесь Николай Иванович немного помолчал, он вообще ни в разговоре, ни в делах не любил торопиться, любое дело исполнял не торопясь, предварительно обдумав, потому и получалось у него все добротнo и основательно. Так, наверное, работали наши предки. Времени у них хватало, чтобы все взвесить перед тем как сделать. Так бы и нам сейчас работать.

Окончательно прощаясь, он похлопал по плечу Володю, махнул рукой Михаилу Антоновичу: “Вот такими простыми бывают технологии и, как видите, работают не хуже самых дорогих”.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
ЛОМАКИН Станислав.....	4
ДАНИЛОВА Ольга	9
СУРОВЯГИН Станислав.....	14
ПЛЕСОВСКИХ Мария	23
СЕЛИВАНОВ Федор.....	26
ЛОМАКИН Станислав.....	31
ЭРБЕС Наталья	47
СЕРКОВА Милетта	52
ЛОМАКИН Сергей	59
ПАРОМОВ Борис	62
ОГОРОДНИКОВ Виталий	68
ШЛЯКОВ Алексей.....	76
ПАПИН Юрий Семенович.....	81

АРИОН

Литературно-художественный
студенческо-преподавательский альманах
Тюменского государственного
нефтегазового университета

Выпуск 10

Подписано в печать 12.01.2009.
Формат 60x84/16. Печ. л. 6,25. Печать ризограф.
Тираж 1000. Зак. № 056.

Типография «Печатник»
Тюмень, ул. Республики, 148 корп. 1/2.
Тел. (3452) 20-51-13, тел./факс (3452) 32-13-86

Д. И. Менделеев